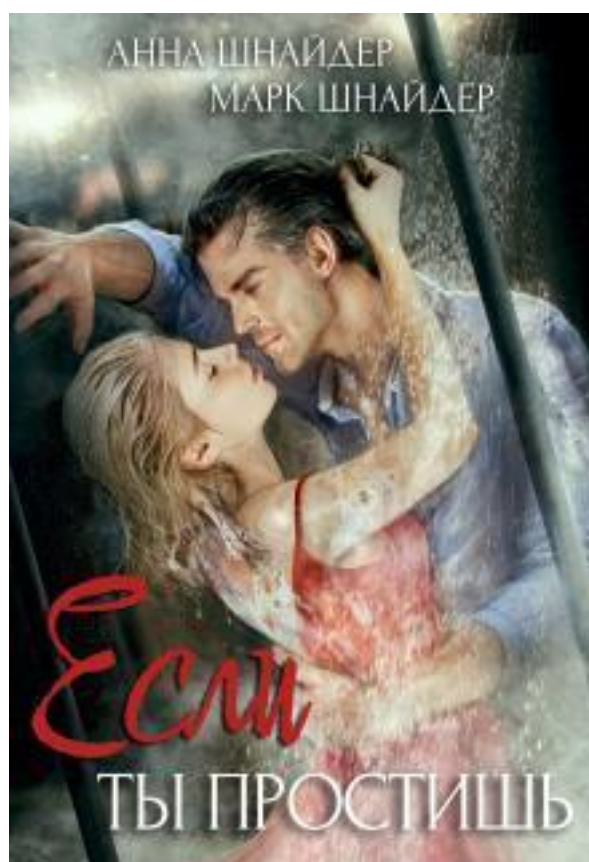

АННА ШНАЙДЕР
МАРК ШНАЙДЕР

Если
ТЫ ПРОСТИШЬ

Анна Шнайдер

Если ты простишь

«Литнет»

2023

Шнайдер А.

Если ты простишь / А. Шнайдер — «Литнет», 2023

Обычно именно мужчины уходят от жён к любовницам. Но у Лиды и Вадима всё получилось наоборот. Мужчинам проще - можно купить цветы, конфеты, бухнуться в ноги, в конце концов. А что сделать женщине, чтобы муж её простил? И можно ли вообще что-то сделать?...История для тех, кому понравились «Ты меня предал» и «Не проси прощения». Ругать героев можно любыми словами, но без переходов на личности читателей или автора) История Сашки и Марины - «Закон бумеранга». История Виктора - «Взрослые люди».

© Шнайдер А., 2023

© Литнет, 2023

Содержание

Пролог	5
1	7
2	8
3	10
4	12
5	15
6	17
7	19
8	21
9	24
10	26
11	28
12	30
13	33
14	35
15	37
16	40
17	42
18	44
19	46
20	50
21	52
22	54
23	56
24	59
25	62
26	64
27	67
28	70
29	72
30	74
31	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Пролог

Я сидела на заднем сиденье такси и, сцепив руки на коленях перед собой, смотрела на дом, в котором прожила почти одиннадцать лет... счастливых лет. Но отчего-то воспринимала его золотой клеткой, а себя — птицей, которую поймали и посадили за решетку против воли.

Вадим... Никогда я не боялась его, несмотря на его суровый характер и разницу в возрасте. Иначе просто не вышла бы замуж. А вот теперь — боялась. Знала, что ничего не сделает: не ударит, не прогонит, не станет устраивать сцен при Аришке... И тем не менее боялась. Наверное, не его, а себя, точнее, собственного поступка. Дурацкого и необдуманного, импульсивного и горячего поступка, который две недели назад показался мне счастьем, выходом из золотой клетки, обретением мечты. Я верила, что просто должна, обязана попробовать...

Что ж, я попробовала. Я бросила мужа и дочь ради другого мужчины, ради призрака из прошлого, человека, в которого когда-то была влюблена. И мне казалось, что я до сих пор его безумно люблю... Да, мне казалось. Казалось...

А теперь я возвращалась домой словно побитая собака. Без иллюзий. Без мыслей о той любви, которая когда-то дарила мне крылья и вызывала щекочущий смех на губах. Без надежды на прощение...

Разве такое прощают?

Наверное, в подобной ситуации чаще оказываются мужчины. Это они уходят от верных жён к любовницам, а потом приползают назад, чтобы посмотреть в глаза щенячьим взглядом. Но, я думаю, мужчинам проще — они хотя бы цветы могут принести... А что могу принести я, чтобы муж меня простил?..

— Милая девушка, — вздохнул таксист неожиданно громко — я даже вздрогнула, — я бы не возражал, сидите тут сколько хотите, тем более что вы обещали оплатить. Но прошло уже два часа, и у меня смена заканчивается. Мне домой надо. Может, расплатитесь, а потом вызовете другое такси и будете сидеть уже в нём?

Раздражённый голос чужого человека подействовал на меня словно ушат ледяной воды. Два часа. Неужели я сижу здесь уже целых два часа? А будто пять минут прошло.

Таксист прав — надо заканчивать. Неважно, сколько времени я буду собираться с силами, думать, мысленно подбирать слова и нервничать. Всё равно это придётся делать... Придётся идти наверх, к ним. В Аришкиной комнате светится окно — значит, они с Вадимом сейчас там. Интересно, что делают? Читают книгу, смотрят фильм, разговаривают?..

— Да, сейчас. — Я до боли сжала кулаки. Ногти впились в кожу, наверняка оставляя царапины. — Сейчас пойду...

С губ почти сорвался отчаянный вопрос: «А вы смогли бы простить жену, если бы она вам изменила?» — но я всё-таки промолчала. Наверное, потому что отлично понимала, каким будет ответ.

Я выбралась из машины, таксист помог мне достать из багажника чемодан, а потом быстро уехал, явно торопясь поскорее попасть домой. А я осталась стоять посреди тротуара, обнимая саму себя руками за плечи и мелко дрожа от промозглого ноябрьского холода и страха.

Хотелось разрыдаться, но я выплакала все глаза ещё в поезде — теперь они были абсолютно сухими... И я смотрела этими глазами наверх, на светящееся окно Аришкиной детской, задрав голову до боли в шее, и лихорадочно шептала, то ли каюсь, то ли молясь:

— Простите меня за всё... Простите... Господи! Вадим... Если ты простишь, я никогда не предаю тебя больше... Я всё-всё для тебя буду делать, что скажешь... Всё, что захочешь, всё... Только прости меня...

Колотило. Сердце стучало так, что отдавалось глухой дрожью в горле и ушах, губы пересохли, прерывистое дыхание со свистом заходило в лёгкие, которые словно огнём жгло...

Мне ни разу в жизни не было так страшно. Ни разу! Страх был запредельной силы, он почти уничтожил все мысли, оставив лишь одну...

Вадим, я не знаю, что буду делать, если ты меня не простишь.

1

Лида

Двери лифта лязгнули и закрылись, будто ножом полоснув по моим натянутым до предела нервам.

Я не могла пошевелиться, просто стояла и смотрела на входную дверь нашей квартиры и, кажется, даже не моргала. Только дрожала рука, которой я сжимала ручку чемодана.

Я никогда не умела молиться, да и вообще не была верующей — я скорее агностик. Но сейчас мне безумно хотелось помолиться, и, если бы я знала хоть одну молитву, уже шептала бы её, надеясь, что это поможет мне хотя бы успокоиться. На большее я и не рассчитывала.

Господи, что же я наделала?..

Я изо всех сил зажмурилась и выдохнула. Смелее, Лида, ну! Две недели назад, собирая вещи и сбегая из этого дома, ты была такой воодушевлённой. Ты верила, что у тебя будет новая жизнь, обретённая долгожданная любовь, свобода... Ты летела, как на крыльях, вперёд к своей мечте. Хотя впереди была неизвестность. Сейчас же... Ты ведь прекрасно знаешь, что ждёт тебя там, за дверью. Точнее кто. И никак не можешь решиться сделать последний шаг и позвонить в звонок. Хотя по идее это должно быть гораздо проще, чем сбегать из дома, предавая мужа и дочь.

Я не знаю, сколько бы ещё простояла вот так, посреди лестничной площадки, просто таращась на входную дверь... Возможно, до утра. Но судьба распорядилась иначе. Хотя у меня была надежда, что так и будет, и мне не придётся самой звонить в дверь.

Вадим часто выносил мусор перед сном. Он вообще маниакально любил порядок и чистоту, в отличие от меня — я была профессиональной свиньёй. И не мог спокойно спать, если знал, что на кухне полное ведро мусора, обязательно выносил. Вадим никогда не оставлял на столе забытую упаковку кефира, во время еды обязательно клал на колени салфетку, чтобы ненароком не запачкаться, и потом не забывал протирать кухонный стол. Несмотря на то, что у нас была домработница. Но она приходила на пару часов, а в остальное время убирался Вадим.

Вот и сегодня муж решил опустошить ведро перед сном и этим избавил меня от возможности стоять под дверью до утра, ожидая, когда он пойдёт на работу, а Аришка — в школу.

Я вздрогнула и покачнулась, когда входная дверь тихо открылась и через порог шагнул мой муж. Мне в это мгновение показалось, что в макушку ударила молния — сквозь тело будто прошёл разряд электричества. И сердце замерло, перестав биться на секунду, и кровь словно вскипела, и я бы не удивилась, если бы она у меня в этот миг полилась из носа или даже из глаз...

Хотя из глаз всё-таки что-то полилось, да. Но это точно была не кровь. Всего лишь слёзы.

В отличие от меня, на Вадима эта встреча не произвела впечатления. Хотя он остановился, и я заметила, что рука, в которой муж держал пакет с мусором, сильнее сжалась в кулак, и скулы у Вадима заострились, будто он стиснул зубы.

— Проходи, — бросил муж кратко и, обойдя меня, пошёл вниз, к мусоропроводу.

Секунду я стояла на месте, вслушиваясь в шаги Вадима — как всегда, неторопливые и спокойные, размеренные, — а потом нырнула в квартиру, стремясь поскорее уйти подальше от мужа.

Мне было стыдно. Дико, безумно, нечеловечески стыдно...

2

Лиди

Я опомнилась только в гостиной.

И вновь замерла, но на этот раз по другой причине. Я прошла через коридор в комнату в уличной обуви, не разувшись, ещё и чемодан за собой потащила...

Посмотрела под ноги и едва не застонала — на ковре, да и рядом, на паркете, виднелись характерные следы от моих сапог и две почти аккуратные линии от проехавшего чемодана.

Свинья...

— Символично, — раздался сзади холодный голос мужа. Он, как и всегда, говорил негромко. Вадим вообще почти никогда не повышал голос. Может, на кого-то другого и повышал, но на меня и Аришку — никогда. — Мало того, что ты нагадила мне в душу, ещё и сюда грязь притащила.

Я задрожала, сжавшись, и втянула голову в плечи, будто мечтала спрятаться там.

Господи, как же стыдно...

И ведь я даже не знала, что сказать в ответ. Как оправдаться? И есть ли они у меня, эти оправдания?

— Вернись в прихожую, пожалуйста, — продолжал между тем Вадим. — Вместе с чемоданом. Разуйся, надень тапочки. Чемодан пока оставь там. Потом проходи ни кухню. Когда я приду, поговорим.

Судя по звукам, муж куда-то ушёл. Мне не нужно было спрашивать, куда именно, — я прекрасно понимала, что Вадим сейчас будет вытирать пол. Чистку ковра он, наверное, оставит Алле Николаевне, нашей домработнице, но пол точно вытрет.

Я развернулась и медленно вышла в коридор, стараясь ступать как можно осторожнее и оставлять поменьше следов. Уже почти добралась до прихожей, когда из ванной вышел Вадим с тряпкой и ведром наперевес и, не удостоив меня даже взглядом, прошёл мимо.

Раньше я думала, что ступеваться можно только под чьим-то взглядом, но выяснилось — при его отсутствии тоже можно. Даже больше. Я ощущала себя так, будто Вадим плеснул мне в лицо кислотой. Отчаянно хотелось остановиться и расцарапать себе кожу до крови, чтобы избавиться от боли и мучительного зуда во всём теле.

Наверное, как-то так ощущают себя люди, у которых под кожей размножаются личинки насекомых. Расползаются по телу и пожирают изнутри твою плоть, и всё болит и чешется, но ты не можешь понять почему. Ничего ведь не видно, кроме небольшого покраснения.

Так и у меня. То, что щёки пылали, я понимала — ощущала жар на всём лице. Но ведь больше ничего не видно. Вадим не знает, не представляет, как я мучаюсь. Как мне больно. Как я истекаю кровью и гноем, словно смертельно больное животное. Как не могу спать по ночам...

И что я должна сказать и сделать, чтобы он понял, как я жалею?

Что я должна сказать и сделать, чтобы он понял, насколько мне плохо?

Что я должна сказать и сделать, чтобы муж поверил, что я больше никогда его не предаю?..

Я поставила чемодан рядом с дверью, на коврик. Сняла сапоги, огляделась в поисках тапочек, но в дежурном месте — в открытой обувнице рядом с двухместным пуфом лазурного оттенка — я их не нашла. Зато нашла на полке шкафа, там, где лежали гостевые тапочки. Обулась и пошла на кухню.

Квартира у нас с Вадимом четырёхкомнатная. Точнее, это его квартира, я сюда пришла на всё готовое. Комнаты большие, просторные, места много. И кухня тоже большая — почти восемнадцать метров, — с диваном и длинным столом, за которым при желании могли поме-

ститься и десять человек. Но в таком количестве мы никогда не собирались здесь. Кухня была нашим с Вадимом местом для семейных дискуссий, все встречи и празднования проходили в гостиной — самой большой комнате в квартире. Остальные — Аришкина детская, кабинет Вадима и наша с ним спальня, — были гораздо меньше.

Меня по-прежнему колотило так, словно я температурила, и на лбу даже выступила испарина. Я прекрасно знала, что здорова и это чисто психологическое, от волнения и переживаний. Но, господи, как же мне хотелось, чтобы Вадим сейчас меня пожалел! Посмотрел, как раньше, с беспокойством, поинтересовался, как я себя чувствую, а потом дал лекарство и отправил спать. Он всегда относился ко мне как к ребёнку, да я и была ребёнком по сравнению с ним. И дело не только в возрасте — Вадим старше меня на пятнадцать лет, — но и в характере. В отличие от него, я всегда была безответственной. И сейчас, натворив столько всего плохого — нет, даже ужасного, — я отчаянно, безумно не хотела отвечать за свои поступки. Опустилась на любимый кухонный диван светло-бежевого цвета, из мягкой и тёплой кожи, и принялась мечтать о том, как поймаю золотую рыбку или найду бутылку с джином, который исполнит моё желание и заставит Вадима забыть обо всём.

И не только Вадима. Меня тоже. Мне это нужно не меньше, чем ему.

Муж пришёл минут через пятнадцать, когда я уже была готова начать жевать салфетки. Вадим всегда держал на столе салфетницу с двумя отделениями — в одном стояли тканевые салфетки, которые он клал себе на колени во время еды, в другом — бумажные. Ими муж вытирал руки и губы. И сейчас, ожидая Вадима, я изорвала в клочья несколько штук. Теперь прямо передо мной на столе красовалась белая бумажная труха.

Я знала, что его раздражала эта моя привычка что-то рвать, когда нервничаю, но ничего не могла с собой поделать.

И действительно — Вадим с неодобрением посмотрел на ошмётки салфеток, отвернулся, подошёл к раковине, взял с полочки, висевшей на стене рядом с краном, тряпку, вернулся к столу и протёр его, собрав все бумажки. Выбросил их в мусорное ведро под раковиной, вымыл тряпку, положил её на полочку, аккуратно сложив, а затем вернулся к столу и сел. Но не на своё обычное место, на диване рядом со мной, а на табуретку.

И этот факт сказал мне о многом. Не знаю, специально Вадим это сделал или нет, но я поняла, что противна ему. Настолько, что он не желает даже сидеть рядом со мной...

3

Лида

— Ты есть хочешь? — поинтересовался вдруг муж, и от неожиданности я вздрогнула. Сердце зашлось в лихорадочном стуке, не зная, как реагировать на этот вопрос. Он был таким... обычным... и словно из прошлой жизни, где я никогда не делала ничего плохого, а Вадим всегда заботился обо мне.

— Я... не... не знаю... — пробормотала я, пытаюсь проанализировать собственное состояние. Я ведь даже не помнила, когда ела в последний раз. Вчера? Да, наверное. Ещё до поезда. А поезд ехал почти сутки. И потом я не сразу отправилась домой, ещё сидела на вокзале, собирая волю в кулак. И в такси тоже провела два часа, не в силах выйти... И возле входной двери стояла...

Да что там — ела. Когда я последний раз пила?..

— Ты выглядишь измождённой, Лида, — продолжал Вадим. Он говорил спокойно, но не так ласково и доброжелательно, как обычно. Скорее, с холодком. — У нас с Аришкой остались картошка и котлеты. Ты будешь, если я разогрею их и сделаю чай?

Картошка. Котлеты. Чай.

Желудок радостно заурчал, и я кивнула.

Вадим вновь встал из-за стола и направился к холодильнику, и тут я опомнилась.

— Стой! — вскочила и дёрнулась, потянувшись к мужу. — Я сама...

Я почти дотронулась до его плеча, когда Вадим увернулся от моего прикосновения и ещё более холодно сказал:

— Не прикасайся ко мне. — Я замерла, чувствуя себя так, словно муж дал мне пощёчину. — И сядь, а то ещё в обморок упадёшь.

Я послушалась и медленно опустилась обратно на диван. Зажмурилась на мгновение, сдерживая горькие слёзы...

С одной стороны, Вадим по-прежнему заботился обо мне, но, с другой — совсем не так, как раньше. Причём раньше я никогда об этом не задумывалась, не замечала ничего, не ценила его отношение. Сейчас же... Да я бы согласилась отрезать себе руку, лишь бы вернуть прежнюю теплоту в глазах и голосе мужа.

Пока Вадим разогревал еду и делал чай, я молча сидела за столом и смотрела на него. За прошедшие две недели муж почти не изменился — та же худощавая, жилистая фигура — ни жиринки лишней в теле, — те же короткие волосы, наполовину седые, а наполовину тёмные, лёгкая небритость на щеках, светло-голубые глаза, очки в чёрной оправе, три горизонтальные морщинки на лбу, точёный греческий нос, тонкие губы... И я вдруг поймала себя на мысли, что безумно соскучилась по мужу. Никогда не скучала, за одиннадцать лет семейной жизни ни разу, а тут вдруг...

Мне страшно захотелось встать, подойти к Вадиму и обнять его. Но я понимала, какую реакцию это вызовет, — его фраза «не прикасайся ко мне» была на редкость красноречивой — и поэтому сдержала свой порыв.

— Ешь, — сказал Вадим через несколько минут, поставив передо мной чашку с чаем и тарелку с картошкой и двумя котлетами. — А потом поговорим.

Муж произнёс это «а потом поговорим» совершенно спокойно, но я тем не менее вздрогнула и сглотнула, чувствуя, как страх разгорается с новой силой. И аппетит сразу пропал. Но я, не желая обижать Вадима — хотя это было глупо, сильнее, чем я его уже обидела, обидеть невозможно, — съела всё до последней крошки и выпила чай до капельки, не ощущая толком ни вкуса, ни запаха.

И как только чашка и тарелка опустели, Вадим сразу вновь заговорил, даже не дав мне собраться с мыслями:

— Лида. Нам нужно развестись так, чтобы Арина не пострадала. Она что-то заподозрила, пока тебя не было, хотя я очень старался поддерживать твою легенду про командировку. Но Аришка не дура, она почувствовала подвох. Так вот, пока ты поживёшь здесь. Ночевать будешь в нашей спальне, я — на диване в кабинете.

С каждым словом Вадим будто бил меня молотком в грудь, попадая прямо по сердцу...

И сразу — о разводе...

Мне хотелось завопить: «Но я не хочу разводиться!» — но я, сжав зубы, сдержала свой отчаянный крик. Слишком хорошо понимала, что сделаю только хуже. Хотя куда уж хуже?..

— В кабинете? — прошептала только, опустив голову. В глазах помимо воли вскипали слёзы. — Но там такой короткий диван...

— Я заказал новый, пока тебя не было.

Господи... Что же это? Что мне делать?..

— Вадим... — Я всё-таки должна была попытаться. — Пожалуйста, прости...

— Лида, не стоит, — отрезал он решительно и равнодушно. — Я не хочу обсуждать случившееся. Это больно, знаешь ли. Я и так едва не сдох за эти две недели. Всё, хватит с меня. Единственное, что меня заботит — это благополучие и душевное спокойствие Аришки. Мы с тобой должны сделать всё максимально деликатно для неё. Поэтому план у меня такой — ты на время останешься здесь, мы её подготовим к разговору, а потом сообщим о разводе и спросим, с кем она хочет остаться жить. Пусть подумает и выберет. Я не стану препятствовать, если Аришка решит остаться с тобой, и алименты, естественно, буду платить приличные. По остальным вопросам договоримся позже, сейчас я слишком устал, а завтра на работу.

Слёзы всё-таки полились из глаз. И как-то сразу, сплошным потоком — будто где-то внутри меня был кран, который кто-то взял и повернул.

— Вадим... — Я всхлипнула, не поднимая головы: было стыдно смотреть мужу в лицо. — Пожалуйста, не надо...

— Я не понимаю, чего ты хочешь от меня, Лида, — ответил Вадим холодно и быстро вышел из кухни, оставив меня в одиночестве.

Оно тут же набросилось на меня, словно голодный волк, терзая душу и тело, истошно завывало, отдаваясь шумом в ушах и тошнотой в горле, — и если бы я не боялась разбудить Аришку, то, клянусь, закричала бы в тот миг от боли и отчаяния во весь голос.

4

Вадим

Лида совершила невозможное: впервые в жизни красота вызывала у меня приступы тошноты. Не то чтобы это было самым важным из всего происшедшего за последнее время, но в силу моей профессии подобная перемена впечатляла.

После разговора с Лидой я быстро принял душ, а затем ушёл в кабинет на своё новое спальное место. Лёг на холодный диван и, накрывшись с головой, почему-то вспомнил вопрос, впервые услышанный мною много лет назад на лекции по философии, когда я ещё был студентом на факультете архитектуры и дизайна. С тех пор я, бывало, вспоминал его и задавал себе или коллегам по работе.

Может ли красота быть безусловной? Или контекст, в котором она находится, тоже имеет значение?

Ранее, до сегодняшнего дня, я считал, что красота не зависит ни от чего. И великолепный интерьер останется таким же, даже если в нём живут отвратительные люди.

И дым из трубы мусоросжигательного завода в лучах закатного солнца красив сам по себе, несмотря на вред, который он несёт людям.

И ядерный взрыв...

А моя жена, изменившая мне после одиннадцати лет совместной жизни, остаётся красивой или нет?

Глядя на Лиду в этот вечер, когда я говорил, что нам нужно развестись, я не мог не признать, что по-прежнему считаю её красивой. И в то же время я поражался тому, какое отвращение теперь вызывала эта её почти ангельская красота.

Мне даже показалось, что я учуял гнилостный запах. Не зря сразу после этого разговора я отправился в душ, хотя уже принимал его час назад.

Помнится, в детстве один мальчишка предлагал мне на спор лизнуть мусорку рядом с домом. За деньги, которых в то время в моей семье вечно не хватало. Но я уже тогда был из тех, кто не то что лизать, а руками трогать помойку не будет ни при каких обстоятельствах. Даже за деньги.

С тех пор брезгливости во мне не убавилось. И я не только не хотел к Лиде прикасаться — мне даже смотреть на неё было тошно, особенно если я думал о том, чем она занималась последние две недели.

Удивительно, что такая реакция на Лиду стала возможной. Всё-таки моя жена очень привлекательная, причём объективно, а не зависимо от вкуса. Кому не нравятся стройные пышногрудые блондинки с яркими голубыми глазами и длинными ногами? Создатели образа Мэрилин Монро не зря ели свой хлеб — подобная ангельская сексуальность безотказно действует на мужчин. Только, в отличие от той же Мэрилин, Лида была натуральной блондинкой. В её внешности вообще не было ничего ненатурального — всё своё, никакой пластики и крашенных волос. Лида даже косметикой почти не пользовалась — так, совсем немного, — и из-за этого выглядела юной и свежей. Никто бы и не дал ей тридцати одного года, максимум — двадцать пять, а то и меньше. Сейчас у Лиды была короткая стрижка — волосы чуть ниже лопаток, — а когда мы познакомились, она щеголяла длинной толстой косой золотисто-пшеничного оттенка, как у царевен из сказок. Отрезала Лида её пару лет назад — сказала, что надоели длинные волосы, — и я немного расстроился. Мне нравилась её коса. Впрочем, короткая стрижка Лиде тоже шла. Но её красоту вообще мало что может испортить.

По крайней мере, так я думал раньше.

Я всегда гордился тем, что у меня красивая жена, ещё и намного моложе меня. Да, мужчины такими вещами козыряют при первой возможности. Впрочем, женщины тоже, порой даже ещё громче, просто такое встречается реже. Мне это всегда казалось глупостью, пока я сам не оказался в статусе человека, у которого жена моложе на «дцать» лет. Оказалось, что этим действительно сложно не гордиться, как ни старайся. Особенно с годами. Чем больше седых волос пробивается у меня на висках, тем крепче моя гордыня, когда я смотрю на свою жену...

Смотрел.

Разумеется, я всегда ценил в Лиде не только красоту. Она выделялась умом ещё будучи моей студенткой. У Лиды были большие перспективы в дизайне, она имела склонность к нестандартному мышлению, что важно в нашей профессии. Иначе я не позвал бы её в свою студию на практику много лет назад. По благу я никого не беру, даже самых близких мне людей.

Ну а то, что Лида всегда была немного ленива, рассеянна и инфантильна, несмотря на наличие раннего ребёнка, что обычно многих заставляет быстрее повзрослеть, даже вызывало у меня подобие очарования и умиления. Ведь у неё был я. Моей заботы должно было хватить обоим — и матери, и ребёнку. Так что никаких проблем в этом не было. Так я всегда думал.

В итоге Лида с годами почти перестала работать и развиваться в профессии. По сути, она выполняла черновую работу рядового фрилансера, но зато больше времени проводила с дочкой — по крайней мере, так мне казалось до недавних пор. Я часто мерю других людей по себе и, будучи очень занятым и организованным человеком, который успевает всё, везде и сразу, был уверен, что Лида направляет всю энергию, освободившуюся от работы, на воспитание и заботу об Арише. Ну не любила Лида никогда готовить — ничего страшного. Ну не фанат она уборки. Тоже не проблема. Мы давным-давно наняли домработницу, и она закрывала все основные бытовые вопросы, а завтраки обычно готовил я, потому что умею и люблю и потому что чужого человека не хотелось видеть у нас в доме с самого утра. Завтрак — слишком личное, семейное мероприятие.

Да, это всё не было для меня проблемой, потому что главным я считал то, что Лида была хорошей матерью. Что касается меня, то я полагал, что жена не проявляет даже элементарной заботы обо мне, потому что сфокусирована на дочке. Я никогда не контролировал Лиду, поэтому до недавних пор и не знал, что у неё действительно бесконечно большое сердце, только вот в нём почти всё место занимает она сама, ну и небольшой кусочек оставлен для дочки. Про своё место я даже говорить теперь не буду.

Я никогда не ждал от неё большой любви, учитывая, как именно начались наши отношения. Но уважение...

Я многое в жизни могу стерпеть, если нет других вариантов. Голод, холод, боль, длительный стресс, но, чёрт побери, если ко мне относятся без уважения, то пусть готовятся к санкциям — крепким словом, а то и кулаками, я поставлю человека на место. Так было всегда и так остаётся и по сей день. Правда, с годами я стал чуть менее вспыльчивым, но это, кстати, не спасло бы грёбаного саксофониста, если бы, не дай бог, он встретился со мной. Причём как тогда, одиннадцать лет назад, когда это ничтожество бросило беременную Лиду, так и сейчас.

Лида, Лида... И всё-таки что-то она обо мне поняла за наши совместные годы.

Уверен, поэтому и не стала изменять мне по-тихому, а открыто написала, что собралась делать. Это была попытка усидеть на двух стульях — и в душу мне нагадить, и сделать это с должным уважением.

Недальновидная дура.

Я тебя любил. За все эти годы не было и дня, когда бы я подумал: а не посмотреть ли налево, — несмотря на то, что вариантов было очень много. Мне нужна была только ты, только наша с тобой семья.

Возможно, если бы Лида занимала в моей студии руководящую должность или если бы основала какой-то свой бизнес, за который несла бы стопроцентную ответственность, — она бы научилась стратегическому мышлению и, наверное, поняла бы, что в скором времени неизбежно приползёт ко мне обратно и услышит от меня то, что слышала.

Но ответственность — это не про Лиду.

Увы.

*

Дорогие читатели! Если вдруг вы верите в автора, пожалуйста, ставьте звёздочки) Не здесь, а справа от обложки есть кнопка "мне нравится". Так вы поможете автору и покормите муза, чтобы проды выходили чаще. Спасибо!

5

Вадим

Несмотря на то, что я накрылся одеялом с головой, всё равно слышал, как в соседней комнате — это была наша бывшая спальня — Лида ходит из угла в угол. Порой мне хотелось встать, пойти туда и сказать, чтобы она наконец села или легла и перестала стучать мне по мозгам. Никогда не понимал этой дурацкой привычки мельтешить. Но в этом была вся Лида — паникуя или нервничая, жена могла пробежать целый километр туда-сюда по комнате или изорвать кучу салфеток. Вот только раньше это не особенно раздражало. Как я шутил, когда Лида останавливалась и извинялась: «Главное, что ты ногти не грызёшь, этого я бы тебе не простил».

У меня было предположение, что, выждав некоторое время, Лида захочет исправить своё положение. Войдёт в кабинет в соблазнительном нижнем белье или даже без него, попытается нырнуть под одеяло. Естественно, я бы её выгнал, но попытки такой ожидал.

Однако Лида не пришла, и это значило, что жена в кои-то веки здраво оценивает ситуацию. И нет, меня совсем не огорчило, что она не пришла. Несмотря ни на что, я не хотел быть грубым с Лидой, а если бы она пришла, мне пришлось бы нагрубить ей.

Я был разочарован в Лиде не только как в жене, но и как в матери.

За прошедшие две недели я понял, что жена не справлялась со своими материнскими обязанностями. Она даже за зубами Ариши умудрилась не проследить и упустила два кариеса.

Кроме того, выяснилось, что Лида практически не занималась с Аришкой уроками, и большинство Аришиных успехов в учёбе связано исключительно с собственными усилиями дочки. Я понял это со слов Арины, когда она попросила меня помочь ей с уроками, но не испытывал сомнений, что так оно всё и было. Моя дочь не из тех детей, которые все заслуги приписывают себе. Конечно, есть и большой плюс в том, что Арина самостоятельно училась, но всё же возникает вопрос: в каких облаках витала её мать всё это время? И когда начался этот полёт?

Конечно, я знаю, что Лида любит дочь. Просто делает это так, как умеет, — паршиво.

Пока Лида неизвестно где таскалась со своим проклятым саксофонистом, я часто вспоминал нашу совместную жизнь. И поражался тому, как много в ней было счастливых моментов. По правде говоря, у меня не получилось вспомнить вообще ничего по-настоящему плохого, каких-то скандалов, истерик, расставаний. И от этого поступок жены казался ещё неожиданней и подлее.

Сразу же после прочтения того сообщения от Лиды я понял, что мне нужен развод. Но принимать решение на эмоциях — проигрышная стратегия поведения. Поэтому спустя пару дней, которые прошли в некотором оцепенении и неверии, что Лида действительно решила уйти, я погрузился в анализ сложившейся ситуации.

Неделю назад я написал в два столбика плюсы и минусы развода. Затем плюсы и минусы сохранения брака. В начале для себя, так как себя знаю лучше. Потом такой же список я набросал для Арины, а после — чтобы лучше увидеть всю картину происходящего, — и для Лиды.

Оказалось, что в случае сохранения брака в нынешнем виде последствия для Арины могут быть более разрушительными, чем если мы с Лидой разведёмся.

Но что меня больше всего ужаснуло, так это то, что главным пострадавшим, причём как от развода, так и от сохранения семьи, будет Арина. Конечно, я догадывался, что всё обстоит именно подобным образом, но, увидев эти предположения наглядно в виде длиннющих списков, понял, что сложнее всего простить не измену — хотя её тоже непросто, — а предательство Лиды по отношению к Арине. Да, Лида не говорила, что бросает дочь, но ей стоило заранее

подумать и представить, какой удар нанесёт наш развод Арине. И для начала сделать что-то другое, например, найти семейного психолога или попытаться хотя бы поговорить со мной. Да что угодно надо было сделать, а не убегать сразу в закат. Чёрт со мной, но не с дочкой. Стоило просто представить, что значит столкнуться с необходимостью выбирать между двумя родителями. Не должны на детей десяти лет от роду сваливаться такие судьбоносные задачи. В школе такому не учат.

Я перевернулся на другой бок и посмотрел на пробковую доску, прикреплённую к стене рядом с рабочим столом. Сейчас, в темноте, её было почти не видно, но я и без света помнил, что там находится. На этой доске с помощью разноцветных кнопок я размещал заметки по работе, идеи, какие-то образы, вдохновляющие меня в данный момент, например, картины мастеров разных эпох в формате открыток. И сейчас мне казалось ироничным, что среди открыток, которые я повесил туда пару месяцев назад, ещё до бегства Лиды, находились «Возвращение блудного сына» Рембрандта и эскиз к картине «Явление Христа народу» Иванова.

Конечно, масштаб случившегося с нами совершенно не тот. Разумеется, нет. Просто названия этих историй давно ушли в народ и стали нарицательными, и в этом народном смысле я увидел злую иронию над возвращением Лиды.

А что случилось с нами? Всего лишь очередная маленькая трагедия, каких на свете не счесть. Каждый день кто-то сходится и расходится, женится и разводится. Каждый божий день.

Естественно, разрушение одной конкретной семьи — ничтожное событие для всего мира и общечеловеческой истории. Но для членов этой семьи случившееся — катастрофа мирового масштаба и самая трагичная вещь в мире.

Нет, Лида, я не прощу тебя. Никогда.

6

Вадим

Я проснулся по будильнику в пять пятьдесят пять, как обычно, чтобы успеть перед траком пробежаться в парке. Ноябрь решил проверить меня на прочность, поливая улицы дождём со снегом и завывая леденящим ветром. Но он не знал, с кем связался. Так уж я устроен — чем хуже условия для решения задачи, тем меньше вероятность, что я сдамся.

Если бы не этот навык, или привычка, не было бы у меня ни дизайн-студии, ни имени, ни квартиры. Да и семьи, думаю, тоже не было бы.

Тогда, много лет назад, я мог бы и сдаться, решив, что не нужна мне полноценная семья, но нет, всё-таки нашёл решение. И ни разу не пожалел об этом, даже сейчас, после предательства жены. Да и разве может быть иначе, если в моей жизни появился самый прекрасный и важный человек из всех, кого я когда-либо встречал, — моя дочь.

Обычно во время пробежки мой мозг отдыхает, но в последнее время ему это стало даваться сложнее, потому что я начал чаще вспоминать моменты из прошлого. Иногда я искал в нём ответы на вопросы вроде такого: «Мог ли я предвидеть то, что случилось, и как-то уберечь семью от распада?»

Или такого: «А может, Лида всегда хотела уйти, просто не решалась?» Поэтому и вела себя со мной так прохладно и безучастно почти всегда.

Впрочем, чаще всего я обрубал вопросы и воспоминания, так как они уже не имели особого значения. Решение было принято.

Однако сегодня я вдруг вспомнил, и не без улыбки, как однажды утром, вернувшись после пробежки, я получил неожиданный сюрприз от жены. Обычно в это время Лида ещё крепко спала, поэтому, когда я, разгорячённый от быстрого бега, зашёл в ванную комнату и увидел там голую жену, стоявшую под струями воды в душевой кабинке, я, мягко говоря, удивился. Лида ненавидела утренний секс, никогда его не понимала, а если и соглашалась, то исключительно из одолжения, да и я должен был вначале хорошенько постараться, чтобы разбудить в ней желание. Но в тот раз она была готова отдаться мне, и я всё понял без пояснений. Это был дикий секс без прелюдий, просто ради того, чтобы мужик сбросил напряжение. Лида даже ничего не хотела взамен — никаких ласк, ничего. Она молча привела себя в порядок, поцеловала и, подмигнув мне, ушла дальше спать.

Такой вот неожиданный акт заботы. И я его оценил и впоследствии постарался дать жене понять, что иногда это именно то, что мне нужно.

Впрочем, не сказать чтобы Лида особенно переживала о моих желаниях, поэтому подобный сюрприз больше не повторялся. И я надеялся, ей хватит мозгов не пытаться сегодня повторить ту ситуацию.

Если бы я сейчас зашёл в ванную и увидел Лиду голой, как тогда... Я бы скорее плюнул ей в лицо, чем прикоснулся к ней.

И тем не менее я был уверен: Лида точно будет что-то делать, чтобы вновь завоевать моё расположение. Всё-таки я хорошо знал жену, несмотря на то, что не предвидел её уход, так как считал, что на подобные импульсивные решения она не способна.

При этом я ни секунды не сомневался, что Лида вернётся. Просчитался лишь в количестве дней — я думал, она приедет на неделю позже. Но беглянку не хватило на три недели, уж не знаю и знать не хочу почему.

Когда я, мокрый насквозь, вернулся домой, сразу ощутил характерный запах с кухни. Яичница? Омлет? Похоже на то.

Несложно было догадаться, что Лида попытается удивить меня нестандартным проявлением заботы, ведь готовить еду для семьи — это совсем на неё не похоже.

Удачи ей. Яйца делают структуру выпечки более прочной. Когда-то давно яичный желток даже использовали в строительстве для укрепления стен.

Но семья — это что-то значительно сложнее сырников и строительства домов, Лида. За одиннадцать лет брака стоило хотя бы это понять.

Я быстро ополоснулся и отправился на кухню, и замер на пороге — в шоке от увиденного. Увы, в нехорошем шоке. Бьюсь об заклад, такой загаженной наша кухня ни разу в жизни не была. Как Лида умудрилась так сильно испачкать её за тот час, пока меня не было дома, я понятия не имел. Мне показалось, что, даже когда Ариша была помладше и училась готовить, кухня и то была в лучшем состоянии.

Похоже, Лида решила устроить пир горой. По-видимому, за две недели она умудрилась забыть, кто что ест по утрам, и поэтому одновременно варила овсянку, жарила омлет и пыталась состряпать что-то типа сырников. Не нужно быть Нострадамусом, чтобы понять, что из этого всего в итоге получится. Точнее, не получится.

Я не ставил Лиде оценки с тех пор, как она училась в университете, где я преподавал основы интерьерного дизайна.

Лида, Лида... За старания пять, за результат — двойка. И ты уже в списке на отчисление, как ни старайся.

— Доброе утро, — сказала жена, глядя на меня несчастными глазами, красными от недосыпа. И попыталась перевернуть омлет — но вместо этого только поскребла металлической лопаткой по сковороде, издав настолько неприятный резкий звук, что сама же его испугалась и поскорее отошла в сторону от плиты.

Арина ещё спала, поэтому я не стал изображать, будто у нас с её мамой всё хорошо, и молча смерил Лиду мрачным взглядом вместо приветствия.

— Что будешь на завтрак? — как-то неловко спросила Лида, словно её речевой аппарат никогда не произносил эту комбинацию слов.

— Ничего. — Это не было проявлением какой-то мелочной мести: просто я понял, что не хочу даже прикасаться к еде, которую приготовила Лида.

Жена расстроено опустила взгляд на пол. Мне не было её жаль, но я сразу подумал про дочь и решил всё же помочь Лиде ради Арины:

— Аришка в последнее время полюбила омлет, как и я, но она не станет есть такой жирный. Овсянку мы оба не едим, а сырники... Вряд ли они у тебя получатся с первого раза. Лучше не позорься. И вообще, Арина по утрам почти не ест. Ты не в курсе, потому что обычно в это время спишь. Достань ей заранее йогурт из холодильника, она любит, когда он не очень холодный. И сделай тост, возможно, у тебя получится.

Лида послушно кивала головой на каждое моё указание. Я вздохнул и добавил:

— И её пора будить. Она теперь кучу времени в ванной проводит. — Подумал мгновение, обвёл глазами бардак на кухне и подытожил: — Хотя я сам разбужу. Лучше приберись тут. Это же не свинарник.

Я развернулся и пошёл в комнату Арины, по пути стряхивая с пятки кусочек яичной скорлупы, измазанной в твороге.

7

Вадим

Арина сначала ворочалась, не желая вставать, но потом услышала шум с кухни и сразу догадалась, что это мама вернулась. Тут же вскочила на ноги и помчалась прочь на бешеной скорости. Через мгновение до меня донёлся оглушительный радостный визг.

У меня от этого визга сердце сжалось. В ликовании ребёнка,ждавшего возвращения мамы, я услышал эхо скорых разочарований и боли, которые ожидают Аришку в ближайшие недели.

Лида... Что же ты, дура, наделала...

Я не пошёл к ним, решил оставить их вдвоём на какое-то время, и начал собираться на работу. А когда вернулся на кухню уже одетым, то невольно улыбнулся, увидев Лиду и Аришку вместе. Жена заметила это, и мне на мгновение показалось, что она вот-вот расплачется. Думаю, она поняла, что в этой моей улыбке было отражение скорби об утраченном семейном счастье.

Я поднял с пола ещё один кусок яичной скорлупы, Лида попыталась остановить меня, коснувшись рукой и пробормотав, что приберёт всё позже. Я машинально отдернул руку и сказал:

— Не люблю мусор, тем более в собственном доме.

На долю секунды в кухне повисло напряжение — густое и вязкое. Лида явно приняла слова про мусор на свой счёт, и отчасти была права. Хотя, говоря так, я не имел в виду жену — но подумал о ней после, когда она печально опустила голову.

Всё же ни к чему эти упрёки. Легче от них никому не станет, это точно. И лучше будет как можно скорее начать относиться к Лиде исключительно как к матери моего ребёнка — ведь именно на этом держится остаток моего уважения к ней.

Я посмотрел на Аришу, ковырявшую два маминых «сырника» — Лида их всё-таки приготовила, несмотря на мои рекомендации. Дочка ела с трудом, и в какой-то момент она даже незаметно для Лиды вытащила изо рта кусочек скорлупы, предсказуемо пропущенный новоиспечённой поварихой. Арина посмотрела на меня как заговорщик и приложила указательный палец к губам. Я в ответ изобразил, как застёгиваю свой рот на замок и выкидываю ключ.

Ариша радостно улыбнулась, а потом торжественно заявила, что объелась, но омлет хочет взять с собой в контейнере, чтобы съесть его между занятиями в школе и на танцах.

Думаю, что после сырников от этого омлета Арина ничего хорошего не ждала. Но дочь любила маму. Дочь соскучилась по маме. У дочери должна быть мама, как и у любого ребёнка. Так устроен мир. Это неизблемое правило. Именно поэтому я и пообещал себе сделать всё, чтобы Ариша как можно меньше пострадала от поступка Лиды.

Я ни в коем случае не буду настраивать дочь против матери.

Тут Ариша неожиданно воскликнула:

— Мам, мам, а может, ты с нами поедешь?

У Лиды хватило ума отказаться, не заставляя меня придумывать цензурную версию причины, почему я даже в одной машине не хочу с ней сидеть.

— Ариш, я бы с радостью, но мне надо многое сделать после приезда, я даже чемодан ещё не разобрала, ну и другие взрослые скучные дела есть. А как ты вернёшься, я буду вся твоя! Если хочешь, посмотрим что-нибудь, закажем пиццу...

— Да-да-да! — ликовал мой ребёнок. — Ура-а-а! Пап, а ты с нами?

— Нет, сегодня я занят. Да и вам будет хорошо вдвоём пообщаться. Всё, нам пора выезжать, ступай собираться.

Арина усккала в свою комнату, и сразу после этого Лида спросила:

— Давай я её отвезу? Проедемся на трамвайчике с ней, а ты езжай на работу...

— Не надо, — я покачал головой, удивлённый этим предложением. Я был уверен, что после нашего ухода Лида завалится спать, но она, по-видимому, не собиралась. — Нам с ней ещё надо в гипермаркет заехать, купить рабочую тетрадь по английскому. На трамвае вы это сделать не успеете. У меня на работе сегодня немного дел, так что я сам после школы завезу Аришку на танцы, а потом домой. Тогда и пообщаешься с ней без меня.

— А ты куда?

— Туда же, куда и обычно.

Лида нахмурилась, как делала всегда, когда выискивала что-либо в своей памяти.

— А-а-а, третья пятница месяца, вспомнила...

— Да. В общем, что Арине нужно сделать вечером, напишу позже. У неё завтра репетитор по английскому и стоматолог, надо, чтобы ты с ней сходила, раз уж ты приехала. Если, конечно, у тебя нет других дел, — съязвил-таки я.

— Нет-нет, я поняла, — быстро ответила Лида, выпрямившись на диване, будто палку проглотила. — Конечно, я схожу с ней.

— И ещё, чуть не забыл. Алла Николаевна заболела, вместо неё у нас теперь убирается её дочь. Зовут Оля.

— Э-э-э. Ладно, поняла. Хорошо.

Глаза у Лиды в этот момент как-то странно забегали, но я не сообразил, с чем это может быть связано. Только позже, значительно позже я понял, что это была ревность. Впрочем, это уже не важно. Пусть ревнует. Мне было плевать.

— По субботам Аришка не учится пока. Сегодня можно ложиться позже.

— Вадим! Ты так говоришь, будто меня год не было... Я всё помню.

— Не всё.

На этом разговор сам собой оборвался. Лида не спрашивала, что значит «не всё», а мне не пришлось объяснять, что она забыла самое главное — у неё была полноценная семья. И у неё был муж, который бесконечно сильно её любил. Любил такой, какой она всегда была, — восхитительным несовершенством. И другой ему было не нужно.

Я продолжил собираться на работу, а Лида стала перекладывать оmlет в ланч-бокс.

Вскоре мы с Ариной наконец-то ушли.

Предыдущие две недели были тяжёлыми для меня, не скрою. Особенно тяжело было стараться сделать так, чтобы Ариша раньше времени не заподозрила, что в Датском королевстве что-то прогнило.

Но со вчерашнего вечера я понял, что это были ещё цветочки. Раньше я хотя бы не был вынужден находиться с Лидой в одной квартире, дышать отравленным ею воздухом, смотреть на её совершенное лицо, которое я так любил когда-то и от которого меня теперь мутило.

Но, что поделаешь, какое-то время придётся потерпеть. Недолгое. А потом всё закончится. Не знаю, кого выберет Арина, когда мы расскажем ей о разводе. Несмотря на то, что про таких девочек, как она, говорят «папина дочка», мама всегда остаётся мамой.

Чего не скажешь про жену.

Теперь уже бывшую.

8

Лиди

Когда дверь за Вадимом и Аришкой закрылась, я обессиленно рухнула прямо на пол, не обращая внимания на творящийся вокруг хаос, и уткнулась лицом в колени.

Хотелось разрыдаться.

Ночь была сложной, почти невыносимой, и я совершенно не выпалась — потому что просто не спала. Всё время ходила туда-сюда, из угла в угол, и думала. Что мне делать, как быть? Стоит ли идти к Вадиму в кабинет и пытаться ещё раз поговорить или нет?

В итоге так и не решилась. Наверное, потому что понимала: ничего не получится. Я хорошо знала своего мужа: он был не из тех людей, которые строят из себя обиженных, дабы потом сделать одолжение и великодушно простить. Нет, Вадим принял решение, и теперь для того, чтобы переубедить его, мне мало вылезти вон из кожи.

Он всегда был таким, за это я его и... ценила? Нет, не ценила. Уважала, да. Но никогда, никогда я не считала Вадима какой-то своей ценностью... А вот он меня считал. И от этого у меня возникало ощущение, будто я его вещь, которую он купил.

Раньше мне казалось, что это справедливо. Я — товар, бессловесный и бесправный товар, причём купили меня по моей собственной воле. Я настолько заиклилась на этой мысли, что совершенно не обращала внимания на другие факты. Не понимала, что давно пора забыть, с чего начались наши отношения. Да и вообще: как я могу упрекать Вадима в том, в чём была виновата сама?

Так, наверное, сказал бы мне любой взрослый человек и был бы прав. Но мне не нравилось отвечать за свои поступки, поэтому я перевесила вину за случившееся на Вадима. Это ведь он пришёл ко мне на помощь, спас из по-настоящему хреновой ситуации, сделал всё, чтобы я ни в чём не нуждалась, так? И этим поступком посадил меня в золотую клетку, из которой не было шанса выбраться.

Сейчас я готова была отпилить себе руку или ногу только ради того, чтобы вернуться в эту «клетку». Господи, какая же я беспросветная идиотка! И за что Вадим любит меня? Точнее, любил — в прошедшем времени. Я слишком хорошо понимала, что вряд ли муж мог сохранить ко мне добрые чувства.

Интересно, а если бы я ушла от Ромы в первые же сутки, как и намеревалась изначально, у меня было бы больше шансов заслужить прощение Вадима? Или время моего отсутствия не играет роли — только сам факт побега?

Не знаю.

Я всхлипнула и подняла голову с колен. Вытерла выступившие слёзы и огляделась. Ну и срач я развела... И почему у Вадима, когда он готовит, на кухне всегда идеальный порядок? Да не только когда готовит. У него во всём был идеальный порядок, что бы он ни делал. Меня это всегда и восхищало, и бесило одновременно, в равной степени.

Хотя поначалу всё же больше восхищало.

Много лет назад Вадим был моим преподавателем в институте. Я отлично помню, как увидела его в первый раз. Он шёл от двери к кафедре, в идеально выглаженном тёмно-синем костюме и белой рубашке, но без галстука, в начищенных до блеска ботинках. В руках нёс кожаный дипломат. Тогда, почти тринадцать лет назад, на висках у Вадима уже начинала пробиваться седина, и это казалось сексуальным многим моим однокурсницам. Но не мне.

Как преподаватель Вадим мне нравился. Хотя тогда он был для меня Вадимом Юрьевичем Озёрским, кандидатом наук, доцентом кафедры художественного проектирования интерьеров. Преподавал он у нас в течение одного года. Все знали, что после экзамена особо отли-

чившихся студентов — их обычно было двое или трое — Вадим Юрьевич приглашает на летнюю практику в свою фирму. Я дико хотела туда попасть, поэтому из кожи вон лезла и на лекциях, и на семинарах. Старалась безумно, справедливо считая, что это мой шанс вылезти в люди и наконец перестать считать копейки.

Я росла в неполной семье — точнее, отец-то у меня физически был, но практически в моей жизни не присутствовал и матери никак не помогал. Бросил её сразу после того, как узнал, что девчонка, с которой он познакомился на дискотеке и развлекался в свободное время, забеременела.

Моя мама была на редкость наивной женщиной. Мне кажется, инфантилизм у меня от неё, но у мамы он проявлялся в большей степени. Ведь она даже не знала фамилии своего «ухажёра» и где он живёт. И когда этот мифический Серёжа бросил её, даже не попыталась его найти.

Моего дедушки тогда уже не было в живых, а бабушка, не сумев уговорить маму на аборт, выгнала её из дома. Решила, что хоть так образумит непутёвую девку. Но куда там! Мама всё равно родила, мыкалась и тыкалась со мной по разным общежитиям и чуть ли не притонам — и в итоге бабушка всё же позвала её обратно, когда мне было года три. Воспоминаний о тех временах у меня почти не осталось, да и к лучшему.

Кстати, у Вадима было похожее детство, только его родные, в отличие от моих, искренне его любили, лечили от тяжёлой формы онкологии, продали всё, что могли продать. Моя же бабушка меня недолюбливала, а мама... Ну, она в принципе была похожа на бабочку-однодневку. Вроде бы любила, а может, и нет — не поймёшь. Так или иначе, но мы всю жизнь считали копейки.

Бабушка работала в бухгалтерии одного завода, который с треском развалился в лихие девяностые — после чего она устроилась в какую-то частную фирму. Но и там продержалась недолго — хозяин фирмы что-то не поделил с конкурентом, и тот его застрелил. Тогда бабушка решила держаться от больших денег подальше и каким-то образом умудрилась стать учителем математики в школе.

Именно благодаря бабушке мы не скатывались совсем уж в нищету. Мама, безголовая женщина, не получившая никакого образования, кроме среднего школьного, всю жизнь мыла полы в разных конторах. Ничего сложнее ей нельзя было доверить. Зарабатывала она, понятное дело, мало. Да и всё, что зарабатывала, непонятно куда тратила.

В тот год, как раз за месяц до экзаменов у Вадима, бабушка умерла. Она давно болела, поэтому неожиданностью это для меня не стало, и я очень хотела попасть в его фирму на практику — после бабушкиной смерти наше с мамой благосостояние, если так вообще можно выразиться, резко скатилось куда-то под плинтус. Поэтому я действительно очень старалась учиться как можно лучше.

Нет, соблазнять Вадима, чтобы получить желанное место, я и не подумала. И не только потому что не умела — я в то время вообще ещё была девочкой, — но и потому что точно знала: с ним это не сработает. Все знали, что Озёрский романов в институте не заводит, несмотря на своё неженатое положение. Попыток это самое положение изменить было много, но успеха они не имели. Вадим не поддавался, причём не реагировал он на заигрывания не только студенток, но и незамужних преподавательниц.

Я с ним не заигрывала, просто училась. И чуть не разрыдалась от радости, когда после экзамена он предложил мне пройти летнюю практику в его фирме.

— А там посмотрим, — сказал Вадим, понимающе улыбнувшись, когда я непосредственно захлопала в ладоши и тихонько запищала. — Если будет получаться, останетесь. В следующем году у вашего курса всё равно обязательная практика.

У меня получилось. И в конце августа Вадим предложил остаться в его фирме на постоянной основе. На полставки, разумеется, — учёбу никто не отменял. Зарплату он мне предло-

жил нормальную — не золотые горы, но вполне достойную, — и я решила отметить свой успех и впервые в жизни отправилась в ночной клуб.

Именно там я и встретила Рому.

Биологического отца Арины.

9

Лида

Неожиданно со стороны прихожей послышался какой-то шорох, и я встрепенулась. Кажется, в замке проворачивали ключ. Я вскочила с пола, прислушиваясь — неужели Вадим вернулся?

Нет, вряд ли это он. Ему ведь Аришку в школу надо отвезти. Тогда...

Домработница? Наверняка она, как раз самое время. Незвестная Оля, заменяющая Аллу Николаевну.

Когда Вадим сказал, что наша постоянная домработница заболела, я напряглась, потому что Алла Николаевна несколько раз показывала мне фотографии своей дочери и я отлично помнила, что этой самой Оле лет двадцать, не больше. Алла Николаевна родила её поздно — нашей домработнице было уже под шестьдесят, — так что Оля весьма юна и хороша собой.

Как на неё отреагировал Вадим? Не решил ли, что больше не обязан хранить мне верность?..

Наверное, это была глупая мысль, ведь я отлично знала своего мужа, уровень его безразличности и моральные принципы. Но не ревновать отчего-то не могла.

Быстро метнувшись к раковине, я сполоснула заплаканное лицо. Нельзя, чтобы Оля видела меня в подобном состоянии, это вызовет лишние вопросы. Хотя вряд ли девушка что-то знает о нашей с Вадимом ситуации — он точно не стал бы рассказывать, — но всё же стоит поостеречься. Я не хотела давать кому-то даже малейший повод думать, что мой муж может быть свободен для начала отношений. Нет, нет и ещё раз — нет!

Я как раз вытирала лицо кухонным полотенцем, когда на кухню вошла девушка. И моя ревность немедленно начала разгораться, как искра, на которую хорошенько подули и подбросили хвороста.

Потому что девушка оказалась очень красивой — а Вадим любил красоту и умел её ценить. Длинные каштановые волосы были заплетены в аккуратную косу, толстую и блестящую, глубокие карие глаза, обрамлённые пушистыми ресницами, смотрели на меня с некоторой долей недоумения, хорошенькие розовые губы, пухлые и ненакрашенные, сложились буквой «о»... А потом девушка протянула:

— Ах, вы, наверное, Лидия Сергеевна... Меня зовут Оля, я дочь Аллы Николаевны. Вадим Юрьевич вас не предупредил?

— Предупредил, — ответила я чуть сипло, кашлянув. — Да, здравствуйте, Оля.

Девушка обвела глазами кухню, и её удивление усилилось. А мне стало неловко и стыдно. Но оправдываться перед домработницей — последнее дело, поэтому я просто холодно сказала:

— Мы тут немного намусорили с Аришкой, приберитесь, пожалуйста.

— Да, конечно...

«С Аришкой...»

Я отправилась в нашу с Вадимом спальню, с горечью понимая, что умудрилась даже сейчас не пожелать отвечать за свой поступок. Казалось бы, ерунда, подумаешь — ну испачкала я кухню, ничего страшного, вполне можно отмыть. Не спалила же! Однако и тут я умудрилась обвинить не только себя, но и Аришку.

Так было и у нас с Вадимом. Хотя, нет, почему «было»? Это продолжается и сейчас. Я всё ещё ищу себе оправдания. Рассуждаю про золотую клетку, про то, что Вадим всегда относился ко мне как к вещи — хотя знаю, что это неправда.

А всё для того, чтобы мой поступок казался менее отвратительным.

Можно ли считать оправданием тот факт, что я никогда не любила Вадима? Что я вышла за него замуж, потому что иного выхода для себя не видела? Он протянул мне руку помощи, и я её приняла, не думая о последствиях такой помощи.

Можно ли считать всё это оправданием?.. Могу ли я сказать Вадиму: «Какой верности ты ждал от меня, зная, что я никогда тебя не любила?»

Нет, точно не могу. Это было бы слишком жестоко.

Да и... теперь я уже была не уверена в том, что это правда...

10

Лида

Неразобранный чемодан так и стоял в углу спальни, как памятник моей безответственности.

На что ты годишься, Лида, если даже свои вещи полдня разобрать не можешь?

Но я видеть не могла эти вещи. В них я была там, с Ромой. На одном из платьев до сих пор красовалось пятно от его спермы. Я хотела выкинуть это платье, но потом вспомнила, что мне подарил его Вадим, — и не смогла.

Пару лет назад мы ездили вместе с Аришкой в Италию. Я увидела это платье в одной из витрин, залюбовалась — и Вадим с усмешкой сказал:

— Ну купи, раз тебе хочется.

— Ты видел цену? — Я округлила глаза. — Как в ЦУМе! Да на такие деньги можно купить квартиру в Подмосковье.

— Не преувеличивай. Нравится — купи. Да, Ариш? А ты что хочешь?

— Мороженое! — заявила дочь. Её, в отличие от меня, не слишком интересовала одежда. Воспитание Вадима давало о себе знать, да.

Я решила, что хотя бы померю это платье — изумрудно-зелёное, блестящее, как змеиная кожа, — а потом всё-таки откажусь от него. Но не смогла. И выбросить тоже не смогла.

Дура.

Я села на нашу с Вадимом кровать и провела ладонью по покрывалу.

Сегодняшний день стал первым за последние одиннадцать лет, когда я сама убрала за собой кровать. Обычно я просто вставала, а постель потом застилала Алла Николаевна. Или, если у неё был выходной, Вадим. Его, естественно, бесила разобранная кровать, одеяла, сбившиеся в кучу. А мне всегда было плевать. И, когда в гостиницах Вадим, вставая, сразу застилал постель, я смеялась над ним.

— Оставь! — говорила я. — Горничная уберёт!

— Я — твоя главная горничная, — хмыкал он, ставя подушки идеальными уголками вверх. Как в пионерском лагере. — Сиди уж, принцесса.

Да, Вадим всегда подтирал за мной грязь. И делал всё, чтобы я не запачкалась.

Сейчас он занимался тем же самым, оправдывая меня в глазах Арины.

Но не в своих. Конечно, не в своих.

Что бы Вадим делал на моём месте? Хотя глупо даже рассуждать о подобном — он никогда в жизни не оказался бы на моём месте. И всё же... я попытаюсь.

Конечно, он составил бы план, что нужно сделать, чтобы вернуть моё расположение. Достал бы листок и ручку, сел и по пунктам расписал необходимые действия и их порядок. И я не сомневаюсь, что у Вадима непременно получилось бы осуществить свой план.

У него вообще всегда и всё получается. В отличие от меня.

В тот вечер, когда я захотела отметить предложение Вадима остаться работать в его фирме, мы с Юлей, моей институтской подругой, решили пойти в ночной клуб. Юля была такой же заучкой, как и я, поэтому мы в таких заведениях ещё не бывали — слишком дорог был сон. Но, как она мне тогда заявила, «один раз можно!»

Рома со своей музыкальной группой тогда играл на сцене этого клуба. И я, вместо того, чтобы танцевать, пить и всячески веселиться, полночи простояла слушая их музыку. И, конечно, любуясь на безумно талантливого и красивого саксофониста.

Мне всегда нравились такие парни, как Ромка, — высокие, мощные блондины, голубоглазые, улыбчивые и мускулистые, с покрытой загаром кожей. Он был в той же мере харизма-

тичен и очарователен, сколь Вадим — умён и педантичен. Ромка — и тогда, и сейчас — просто сбивал с ног своей энергичностью.

И я влюбилась в него с первого взгляда, как положено двадцатилетней дурочке. Ему самому было двадцать три, и он называл себя «кочевником» — за любовь к гастролям и постоянным переездам. Я часто слышала от Ромки фразы в стиле «зов дороги», «путешествия — это жизнь», «у меня нет корней, зато есть ноги». Он увлекательно рассказывал о разных городах и странах, виртуозно играл на саксофоне и покорял девичьи сердца так же легко, как Вадим рисовал и решал задачи по математике.

Конечно, Ромка не мог не заметить меня в том клубе — ведь я простояла перед сценой, таращась на него, несколько часов. Он спустился ко мне, словно небожитель, улыбаясь широкой улыбкой человека, который отлично знает, насколько красив, и пригласил на свидание.

Так всё и завертелось. Я бегала на встречи с Ромкой, едва не забыв про учёбу, начала прогуливать лекции... Вадим к тому времени у нашего курса уже не преподавал — его предмет закончился в прошлом году. Зато он видел меня на работе, но там я старалась не отлынивать — дорожила и местом, и его мнением. Поэтому Вадим и не представлял, как сильно я скатилась по учёбе. А то, что я была взбудоражена и явно влюблена, понимал — как он сказал позже: «Разве в твоём возрасте бывают невлюблённые девушки?»

Да, я была влюблена в Ромку очень сильно. Точнее, я всегда считала, что люблю его, и воспринимала эту любовь как что-то вечное, незыблемое. Я наслаждалась каждой встречей, смотрела ему в рот, с упоением слушала его игру на саксофоне и постоянно витала в облаках.

А потом умерла мама.

11

Лида

Как я уже говорила, мама была на редкость беспечной женщиной. После смерти бабушки наш доход существенно уменьшился — несмотря на мою подработку, эти деньги было не сравнить с бабушкиной зарплатой. Да и практика — это всё-таки не про деньги, а про опыт.

Мама начала пить. Всю мою жизнь она периодически уходила в запой, но после смерти бабушки совсем оскотинилась. Я в то время часто ночевала у Ромки, а днём, соответственно, училась, работала или ходила на свидания с ним же — в общем, я не понимала, не замечала масштабов катастрофы.

В результате пьяная мама попросту утонула в ванной. Залила соседей, они позвонили мне, я приехала из института, открыла дверь — а там...

Но это были ещё не все «сюрпризы».

Через неделю после похорон выяснилось, что мама втайне от меня продала свою долю в нашей квартире. Естественно, это было сделано не совсем законно, но, когда ко мне явились двое амбалов и показали документы на собственность, я об этом даже не подумала. Да и испугалась до ужаса. Хотя они мне не угрожали, но смотрели так красноречиво, что я не сомневалась — если я в ближайшее время не продам им ещё и свою долю, мне крышка.

Я так разнервничалась, что у меня сильно затянуло живот, начались подозрительные выделения — и в результате я, вызвав скорую, загребмела в больницу. С угрозой выкидыша.

Когда в приёмном отделении мне сообщили, что я беременна, и даже назвали срок — примерно восемь недель, — я была в шоке.

— А-а-а... — протянула я, и осматривающая меня гинеколог тут же отрезала:

— Аборт не со мной будешь обсуждать! В отделении договаривайся с заведующей.

«Аборт».

Это слово ударило меня в грудь, будто топор острым лезвием.

Аборт?! Какой аборт?! Я же люблю Ромку, а это его ребёнок!

— Я не буду делать никакой аборт! — возмутилась я, и пожилая врач отчего-то лишь скептически хмыкнула. Как потом пошутил Вадим, когда я всё это ему пересказывала: «Видимо, опытная была тётка».

Про беременность я Ромке решила поведать потом, когда выйду из больницы. Так же, как и про проблемы с жильём — что теперь делать с квартирой, я не представляла. Искала ответ в интернете, но поняла одно — без суда и адвоката мне не обойтись. Но это не бесплатное удовольствие, и где взять денег?

Я очень надеялась, что Ромка мне поможет.

После выписки я назначила ему встречу в кафе. Тогда я даже не обратила внимания на то, что согласился он со скрипом — будто не хотел меня видеть. Да и всё то время, что я пролежала в гинекологии, Ромка сам мне ни разу не звонил и не писал, я всегда набирала или отправляла сообщение первой. И оправдывала его тем, что он попросту занят — концерты, репетиции...

Однако, увидев меня за столиком в кафе, Ромка не улыбнулся, как это обычно бывало, а равнодушно протянул, усаживаясь на стул напротив:

— Слушай, детка, нам надо расстаться.

Я в этот момент пила кофе — врач говорила, что лучше этого не делать, но мне очень хотелось, — и едва не поперхнулась молочной пенкой.

— Что?.. Ром, но...

— Я уезжаю, — перебил он меня. — Мы с ребятами планируем большой тур по ближнему зарубежью. Год-два будем кочевать. В отношении на расстоянии я не верю, сорян. Да и не смогу я верность хранить — люблю секс, сама знаешь.

— А давай я поеду с тобой! — выпалила я, не соображая, что несу. Рома поднял брови, хмыкнул и постучал кулаком себе по лбу:

— Ты в своём уме, детка? У тебя тут учёба. Работа. А со мной ты чем будешь заниматься? Так-то я в принципе не против, но... Ты ж сама говорила, что карьеру строить собираешься.

— Ром, — тут я вспомнила, ради чего его, собственно, позвала, — и решила, что это мой козырь, — я беременна. От тебя.

Он сразу посуровел. Нахмурился, поджал губы и укоризненно покачал головой:

— Что ты за человек такой, Лида... Я же говорил тебе — пей таблетки. А ты чего? Не пила?

Я съёжилась и сконфуженно кивнула. Ромка терпеть не мог презервативы и, пусть он никогда не кончал в меня, всё равно предупредил, что нужно «сесть на колёса». А я забила на это. Считала, что не могу забеременеть, раз Ромка всегда вовремя вытаскивает член, и незачем глотать таблетки.

Дура наивная.

— Не пила.

— Ну и какие ко мне теперь претензии? — фыркнул Ромка. — Знаешь, я никогда не понимал вот этих классных историй — когда мужик детей не хочет, предупреждает бабу, что надо предохраняться, а она всё равно беременеет. С *уя ли я за такое платить должен? Если у бабы мозгов нет, так сама пусть и отдувается. Но ладно уж, побуду добрым. Сколько тебе на аборт нужно?

— Рома! — Я искренне ужаснулась услышанному. Да, я не ожидала такой реакции от человека, в которого была влюблена до глубины души. — Ты что такое говоришь? Я не собираюсь делать аборт! Это же твой ребёнок, а я тебя...

— Вот не надо, — Рома перебил меня, помахав ладонью перед моим носом. — Не надо тут про любовь. Когда любишь, учитываешь мнение человека, которого любишь. А я ведь тебе говорил, что не хочу детей! Нет, Лида, уж извини, но этот номер не пройдёт. Ты облажалась, а теперь хочешь на моей шее поездить?

— Рома...

— Короче, — он вновь меня перебил. — Я тебе переведу пятьдесят тысяч. На аборт и прочие реабилитации. Если ты от этой проблемы не избавишься — твой выбор, не мой. Ты же моё мнение не учитывала, когда таблетки решила не глотать? Вот и я теперь с тобой считаться не буду.

Больше Рома ничего не захотел слушать — как я ни умоляла, как ни всхлипывала, утверждая, что люблю его, он просто встал и ушёл.

Минут через десять на карту пришёл перевод — те самые пятьдесят тысяч.

И с тех пор я Ромку не видела... до той роковой встречи две недели назад.

12

Лида

— Лидия Сергеевна, — в спальню заглянула домработница, — у вас здесь убирать?

Я вздрогнула от неожиданности — так погрузилась в собственные воспоминания. Поко-силась на часы на стене и безмерно удивилась, поняв, что просидела вот так, таращась в про-странство и вспоминая прошлое, почти три часа.

Да, если бы Вадим увидел меня сейчас, то обязательно бы сказал свою коронную фразу: «Ты слишком расточительно относишься ко времени».

И был бы, разумеется, прав. Нельзя так, надо делать хоть что-то. Но...

— Не нужно. Я сама уберусь, если будет необходимость.

— Хорошо, — кивнула Оля и быстро закрыла дверь.

Симпатичная. Интересно всё-таки, сколько ей лет? На сколько Вадим её старше?

Господи, да при чём тут Вадим...

И опять меня заточила ревность. Она сидела во мне, как бобр, который грызёт изнутри мой мозг, пытаясь построить из мыслей «хатку» — теорию об интимной связи Оли и моего мужа.

И у неё отлично получалось. Я даже почти видела, как Вадим, поставив Олю на колени, трахает её сзади. Вот прям здесь, на нашей с ним кровати.

Фу, какая гадость!

Я даже содрогнулась.

И тут же подумала — а Вадим... он как? Представлял меня с Ромой в течение этих двух недель? Почти наверняка ведь представлял. И в отличие от меня — я-то в глубине души пони-мала, что муж не спал с Олей! — он точно знает, что я ему изменяла.

Наверное, поэтому Вадим и испытывает ко мне такое отвращение, что даже сидеть рядом не хочет. Хотя не наверное, а точно...

И это отвращение было бы ещё сильнее, если бы Вадим знал, что и как я делала все эти дни. Да... хорошо, что он не знает...

В тот день, когда я рассказала Ромке про свою беременность, я плакала весь вечер и пол-ночи — вторую половину ночи спала, устав рыдать. И наутро отправилась на работу с опухшим от слёз лицом.

На дворе стоял декабрь, всюду валил снег, в витринах магазинов были развешаны ново-годние украшения. И в офисе фирмы Вадима тоже. А у меня, когда я пришла на работу, настроение было похоронное. Я положила сумку на стол, посмотрелась в карманное зеркальце и пришла к выводу, что непременно нужно умыться и хотя бы немного накраситься — иначе Вадим сразу заметит неладное.

Мы с ним тогда работали в тесной связке — он сам взялся меня учить, и во время прак-тики, и после неё. Я даже где-то с октября стала называть Вадима по имени и на «ты» — он настоял, заявив, что уже не мой преподаватель и ни к чему эти формальности. Вадима так называли все коллеги, поэтому перестроиться было легко.

Отношения у нас были сугубо рабочие, причём не столько «начальник-подчинённая», сколько «мастер-ученик». Я действительно воспринимала Вадима уже не как преподавателя, а как своего личного наставника, человека, который поможет мне построить карьеру. Я вос-хищалась многими его качествами — организованностью, пунктуальностью, аккуратностью, способностью находить интересные и нестандартные решения. Иногда я не могла понять, что Вадим во мне нашёл, ведь я во многом была его полной противоположностью...

И тем не менее он меня учил. В том числе — бороться с собственными недостатками. Получалось у меня так себе. Но я настолько дорожила мнением Вадима, что старалась изо всех сил. И разводить нюни на работе, сверкая заплаканным лицом, не собиралась.

По правде говоря, за всю свою жизнь я не дорожила больше ничьим мнением — если не считать мнения Аришки. Вадим всегда был для меня непререкаемым авторитетом. И тогда, и сейчас...

Я шла по коридору по направлению к женскому туалету, когда Вадим стремительно вышел из-за угла — он всегда быстро ходил — и буквально поймал меня в объятия.

— Лида? — Он сразу нахмурился, разглядывая моё лицо. — Ты плакала, что ли?

— Нет, тебе показалось, — пискнула я, пытаюсь опустить голову, но Вадим не позволил, придержав мой подбородок.

— Ну да, конечно, — усмехнулся он, но в глазах всё сильнее разгоралось беспокойство за меня. — Лида, вариантов-то всего два — ты либо долго плакала, либо всю ночь бухала. Второй вариант не годится ввиду отсутствия характерного запаха, значит, плакала. Пойдём ко мне в кабинет, расскажешь, в чём дело.

Может, мне стоило решительно отказаться, побыть гордой, заявив, что это не его дело, но... Во-первых, грубить Вадиму у меня никогда не получалось. Как-то странно грубить человеку, которого почти боготворишь и безгранично уважаешь. Ну а во-вторых, я подумала, что мне неплохо будет получить разумный совет от взрослого и опытного мужчины. Советы инсти-тутских подружек мною по понятным причинам не котировались.

В кабинете у Вадима мне всегда нравилось. Он делал ремонт по своим эскизам и на свой вкус, а его вкус был для меня идеальным.

Трудно сделать привлекательной комнату без окон, но у Вадима получилось, при помощи стиля лофт — когда создаётся ощущение, что нежилое помещение переделывают в жилое. Стены, выложенные кирпичом, контрастная мебель — столы цвета «венге», а диваны и кресла бежевые — и свисающие с потолка лампы, похожие на промышленные светильники.

«Окна» здесь тоже были. Точнее, их роль играли два огромных аквариума с рыбками.

А на рабочем столе у Вадима, убивая наповал любого посетителя, красовалась характерная советская лампа с зелёным абажуром. Увидев её впервые, я пошутила, что в комплект нужен ещё мраморный бюст Ленина, Вадим серьёзно ответил, что подумает на эту тему, — и через пару дней рядом с лампой появился и бюст.

Как я тогда смеялась...

— Ну, садись, рассказывай, — произнёс Вадим, кивая мне на одно из кресел, что стояли рядом с его письменным столом. Столы в кабинете были расположены буквой «Т» — верхняя «чёрточка» (стол Вадима) была короткой, а нижняя — стол для посетителей и совещаний, — длинной.

Я села в кресло и, поёрзав в нём, начала рассказывать. Периодически плакала, и Вадим тут же вставал и подавал мне бумажные платочки. А ещё он сделал нам чаю и принёс печенье... которое я, голодная до невозможности из-за своей беременности, съела в одиночку. Вадим к нему даже не притронулся.

— И что ты собираешься делать? — спросил он, когда я наконец замолкла и, хлюпая носом, жевала печенье, глядя в чашку. Несмотря на то, что я сама хотела рассказать ему всё, чтобы получить совет, мне было стыдно. Потому что в глубине души я была согласна с Ромой — сама виновата...

— Не знаю, — ответила я тихо и тяжело вздохнула. — Я хотела посоветоваться с тобой...

— Вариантов может быть несколько, — тут же откликнулся Вадим. Он говорил спокойно, и я даже немного заразилась от него этим спокойствием. По крайней мере, наконец перестала гипнотизировать взглядом чай и посмотрела на собеседника. Серьёзный, в идеально выгла-

женном костюме и блестящих очках в чёрной оправе, Вадим в тот момент вызывал у меня благоговение и трепет. Мне показалось, что он вот-вот — и разведёт мою беду руками...

В принципе, так в итоге и получилось.

13

Лида

— Тебе просто нужно выбрать тот вариант, который больше подходит, и дальше следовать плану, — продолжал Вадим. — Начнём с самого простого. Ты делаешь аборт, а затем борешься за квартиру через суд. Я помогу, а затраты на адвоката постепенно отработаешь, там не такие уж и безумные деньги.

— Нет, — я решительно помотала головой. — Я не хочу делать аборт!

Я думала, Вадим будет меня уговаривать. Мне казалось, что любой разумный взрослый человек должен это делать. В конце концов, мне двадцать лет, впереди ещё полтора года обучения... Куда мне ребёнок? Я точно знала, что бабушка и мама сказали бы что-нибудь вроде: «Потом родишь, не нужна нам очередная безотцовщина!»

Но Вадим просто кивнул и продолжил:

— Хорошо, тогда следующий вариант. Аборт ты не делаешь, уходишь в академ в вузе. Квартиру мы с тобой отобьём в суде, как в прошлом варианте, это даже не обсуждается. Ещё подашь на выплаты по потере кормильца, тебе полагается, как студентке очного отделения и матери-одиночке. Там не миллионы, но продержаться можно. Когда ребёнок подрастёт, отдашь его в детский сад, закончишь институт нормально и выйдешь на работу.

В устах Вадима это звучало вполне реально. Если не учитывать тот факт, что будет очень сложно. Я бы даже сказала — безумно сложно. Ведь с ребёнком мне помогать никто не станет. На институтских или школьных подружек не стоило и рассчитывать...

Когда я представляла, как буду жить одна с ребёнком, делая абсолютно всё по дому — раньше-то готовили и убирала всегда мама или бабушка! — у меня на голове начинали шевелиться волосы.

А если я заболею?! Кто присмотрит за ребёнком? Да, в конце концов, мне банально некогда будет даже в кино на понравившийся фильм сходить!

Вадим словно читал мои мысли:

— Но ты должна понимать, Лида: тебе придётся повзрослеть. Сейчас ты живёшь только для себя и ради себя, но если оставишь ребёнка, то начнёшь жить уже ради него в первую очередь. Тебе нужно будет научиться планировать траты, и не только траты — свободное время тоже. Пока ребёнок спит, необходимо будет не лежать на диване, а что-то делать — работать, готовить или убирать, чтобы успевать. Это сложно, но реально. Конечно, было бы проще, будь у тебя хоть какой-то помощник, но, раз его нет, придётся справляться одной.

Справляться одной...

Звучало ужасно. Я справлялась одна с учёбой и работой, но справлюсь ли я в одиночестве с ребёнком? Это ведь не кошечка или собачка, это ребёнок! Сын или дочь.

И, с одной стороны, аборт для меня был абсолютно неприемлем, но, с другой... я не могла не признать: он решает множество проблем.

— Есть ещё третий вариант, — вдруг сказал Вадим, и я удивлённо захлопала глазами:

— Да?

— Да, — он кивнул и отчего-то подобрался, выпрямившись в своём кресле, как часовой на посту. И посмотрел на меня настолько внимательно и пристально, что по позвоночнику побежали колющие мурашки. — И я тебя прошу: не отказывайся сразу. Подумай хотя бы сутки, взвесь все за и против.

Я занервничала. Схватила за вазочку с печеньем — но она оказалась пустой, всё печенье я уже съела...

— Я сейчас ещё принесу, — сказал Вадим, заметив моё судорожное движение. — Сначала озвучу то, что хочу сказать, потом принесу. И дам тебе время подумать, разумеется. Так вот, Лида, — я предлагаю тебе выйти за меня замуж.

Я никогда в жизни так сильно не удивлялась. Точно помню, что буквально замерла в кресле, глядя на Вадима вытаращенными глазами. Но даже не подумала, что он может шутить, — настолько тупые розыгрыши были не в его стиле.

— Твои плюсы, — продолжал говорить Вадим, — они, в принципе, очевидны. Аборт делать не придётся, я буду помогать с ребёнком, и заранее могу пообещать относиться к нему как к своему. Предваряя твои вопросы: собственных детей у меня быть не может; если согласишься на моё предложение, я расскажу почему. Проблему с квартирой я решу безвозмездно, с учёбой и работой тоже помогу. Сразу скажу, что я предлагаю тебе не фиктивный брак, а настоящий. Естественно, склонять тебя к постели тут же я не собираюсь. Но это всё можно обсудить и потом. А пока — думай.

Я думала. И не понимала решительно ничего...

— А тебе-то это зачем? — почти прошептала я, пребывая в глубочайшем недоумении. Может, я сплю и вижу сон? Не мог ведь Вадим Юрьевич Озёрский, мой бывший институтский преподаватель и нынешний начальник, старше меня на пятнадцать лет, предлагать выйти за него замуж? Не мог же?..

Я даже ущипнула себя за руку. Вадим, увидев это, понимающе улыбнулся.

— Ну, во-первых, ты мне нравишься, Лида. Как женщина. Я не пытался за тобой ухаживать, поскольку видел, что неинтересен тебе и ты влюблена в другого. Во-вторых, я уже упомянул, что не могу иметь детей. А мне тридцать пять, и я хочу семью. Пару раз я пытался её создать, но... В общем, не получилось. Так что у нас с тобой равноценный обмен. Я решаю твои проблемы, ты — мои.

Я не знала, что сказать. Хотя сейчас, спустя годы, я понимала, что Вадим, скорее всего, уже тогда знал: я отвечу положительно. Потому что не послала его сразу, потому что не хотела делать аборт и...

...И потому что я всегда была меркантильной.

14

Лида

Я начала шевелиться ближе к обеду, осознав, что скоро придёт Аришка, а я вообще ничего ещё не сделала. Я понимала, что дочь, скорее всего, пообедает в школе, да и Вадим после танцев обычно куда-нибудь заезжал с ней быстренько перекусить, поэтому заморачиваться с приготовлением обеда не стала. В том числе и для себя. Впрочем, мне есть и не хотелось.

Я «разобрала» чемодан, закинув абсолютно все вещи из него в стирку, не глядя, и включила режим на подольше, чтобы хорошенько выполоскать из этих тряпок всю грязь. Плевать, что там большинство вещей можно стирать только вручную. Сядут — хорошо. Будет причина выбросить.

Заглянула в кабинет Вадима, полюбовалась на новый диван. И поразилась до глубины души, осознав, что этот диван абсолютно не вписывается в интерьер, будто Вадим выбирал его... хм... точнее, не выбирал вообще — просто купил и поставил.

Это говорило о многом. В первую очередь о том, что мой муж, несмотря на то, что держит лицо и кажется спокойным, пребывает в глубочайшем стрессе.

Подобная мысль причиняла боль. Хотелось поскорее избавиться от неё, забыться, не думать... но не получалось.

Я ведь сама сделала всё это с ним... с нами.

Чего мне не хватало? Точно не заботы. Больше, чем обо мне всегда заботился Вадим, невозможно заботиться о другом человеке. При этом он умудрялся никогда не душить меня своей заботой, позволял делать всё, что хочу. Он вообще ничего от меня не требовал — ну, кроме материнских обязанностей — и не просил. Я даже не помню, чтобы Вадим хотя бы раз занимался со мной сексом по своей инициативе. Нет, всегда инициатором была я.

Может, этого мне и не хватало? Но ведь я понимала, откуда растут ноги! Вадим всегда держал в уме то, что я согласилась выйти за него замуж не из-за любви и вообще в то время не думала о нём как о любовнике. Поэтому он обычно либо ждал, пока я сама созрею, либо делал мне ненавязчивые намёки. Но никогда не набрасывался, не принуждал. Это я, бывало, набрасывалась...

Я даже чуть улыбнулась, вспомнив наш с Вадимом первый раз — через три месяца после рождения Аришки. Во время беременности мне было вообще не до секса — носила я тяжело, несмотря на свой юный возраст, особенно в последнем триместре, не давали покоя поздний токсикоз и отёки. Но потом, после родов...

Видимо, это был какой-то гормональный взрыв. Потому что если раньше я смотрела на Вадима просто как на чужого человека, хоть и мужчину, живущего рядом — в одной кровати мы тогда ещё не спали, — то после рождения Арины стала заглядываться на него. Я начала любоваться его движениями, быстрыми, но при этом ловкими и точными, его улыбкой, не такой широкой и очаровательной, как у Ромы, но гораздо более умной и искренней. Мне нравилось, как Вадим шутит, я обожала слушать его рассказы о чём-либо — о чём угодно, на самом деле! — и с удовольствием проводила с ним любую свободную минуту.

Но Вадим не трогал меня. Вообще никогда — если не считать моментов, когда нужно было подать руку или куртку, помочь застегнуть сапоги на последних месяцах беременности. Однако во всём этом не было абсолютно никакой чувственности.

И я просто сходила с ума. Я не понимала: так будет и дальше? Он уже не хочет меня? Я после родов стала непривлекательной, чересчур располнела или что?

Мне начали сниться эротические сны, и практически в каждом из них присутствовал Вадим. Причём такой, каким я видела его каждый день, когда он возвращался после утренней пробежки, — слегка потный, разгорячённый, с сияющими светло-голубыми глазами. Я смотрела на него, распахнув глаза и глотая слюни, — особенно на руки, жилистые и сильные, — и мечтала об откровенном.

В то утро у Вадима была какая-то встреча по работе, но позже, поэтому он не слишком торопился. Был октябрь, но погода на улице стояла тёплая, и Вадим, прибежав домой из парка, стянул верх от спортивного костюма и поинтересовался у меня:

— Сырники и чай будешь?

Я в эту минуту стояла посреди коридора в одной ночной рубашке, не в силах оторвать взгляд от торса собственного мужа, и прерывисто дышала.

Вадим ещё ничего не сделал, но у меня было такое чувство, будто я только что посмотрела порнофильм — так горячо и влажно было между ног.

— Ты так смотришь на меня, Лида, — протянул он, довольно улыбнувшись. И по этой улыбке, которая всегда появлялась на его лице, когда Вадим добивался желаемого, я поняла — он всё отлично видит и понимает. — Что, нравлюсь?

Мне вдруг захотелось его стукнуть.

— Ах, ты!.. — шикнула я и, сжав кулаки, бросилась на Вадима. Он поймал меня в объятия, прижал к себе, фиксируя руки, чтобы я ненароком не заехала ему в глаз, и поцеловал так, что у меня земля и небо поменялись местами.

Конечно, никаких сырников мы в то утро так и не поели. И чай не попили. Мы провели несколько часов в комнате Вадима — которая с того момента стала нашей совместной спальней, — лаская друг друга и... любя.

Да, то, что происходило между нами тогда, я вряд ли смогла бы назвать бездушным словом «секс»...

...В дверь неожиданно позвонили, и я подпрыгнула, выныривая из своих мыслей. Неужели Аришка и Вадим вернулись после танцев?..

Оказалось, что пришла одна только дочь. Вадим, доведя её до двери квартиры, позвонил в звонок и сразу ушёл, не дождавшись, пока я открою.

Показательно...

— Ну, мама, рассказывай! — произнесла Аришка с улыбкой, заходя в прихожую. Сбросила с ног осенние сапоги ярко-оранжевого цвета и почти убила меня следующей фразой, которую сказала пусть и улыбаясь, но вполне серьёзно — так, как это часто делал Вадим: — Где тебя носило целых две недели? Это же не было командировкой, да?

Кажется, мы с Вадимом недооценили Аришку...

*

Дорогие читатели! Скоро мы открываем подписку, сразу после открытия будет выложено большое продолжение.
 Заранее огромное спасибо тем, кто останется со мной в этой истории. Неважно, пишете вы комментарии или не пишете, если вы читаете - это здорово. Значит, вы хотя бы немножко, но верите в автора))

15

Вадим

Жена одного исторического персонажа как-то сказала, что чувствует настроение мужа по тому, из чего соткана тишина в его комнате.

Нечто подобное стало происходить со мной и дочкой в прошедшие две недели, пока её мать гонялась за призраком счастья. Я и раньше неплохо улавливал настроения Арины, но в последние дни этот навык как будто бы вышел на новый уровень. Скорее всего, я просто начал ещё больше прислушиваться к ноткам в её голосе и присматриваться к движениям тела и мимики, дабы определить, что она понимает о поступке своей мамы. Мне нужно было решить, как действовать дальше, чтобы уменьшить урон, который мы с Лидой неизбежно нанесём Арине нашим разводом. К тому же я всегда старался избегать лжи в любом виде и в любой дозировке в отношениях с дочкой. Поэтому, если бы я заметил, что она в курсе побега матери, я бы объяснил Арине всё, чтобы она не считала меня обманщиком. В том числе рассказал бы, почему не признался сразу.

Но всё же я склонялся к мысли, что Арина лишь догадывается, что ни в какую командировку её мать не ездила. Но что в таком случае было у дочери в голове? О чём она думала?

И вот, как только мы оказались с ней вдвоём в машине, я почувствовал едва уловимую недосказанность, вопрос, который как неприкаянный висел в воздухе, вместо того чтобы быть произнесённым Ариной. Вопрос про маму. Будь дочь постарше и поглубже, он бы мог звучать примерно так: «Что за херня между вами происходит и где мать шлялась две недели?» Но Арина молчала.

Мы быстро доехали до гипермаркета и неожиданно обнаружили, что часть парковки закрыта для каких-то ремонтных работ, а оставшаяся часть, несмотря на ранний час, почти вся заполнена машинами. Ариша сказала, что быстрее сама найдёт рабочую тетрадь и оплатит её на кассе, чем я буду искать, где поставить машину, и встречу её на выходе. Вызов был принят. Я приостановился возле главного входа, у дочки в глазах загорелся соревновательный огонёк, и она умчалась навстречу победе, а я продолжил поиски парковочного места.

Интересно, что ещё год назад у меня не получилось бы вот так выпустить Арину одну в магазин. Сепарация ребёнка оказалась для меня непростым испытанием, несмотря на то, что дочка редко сама подкидывала поводы для переживаний. Никаких неадекватных выходов я от неё уже давно не жду. Точнее, жду, но когда начнётся пубертат. А пока можно расслабиться.

Однако тот факт, что Арина давно была разумной девочкой и не совершала диких поступков, проблему с «отпусанием» ребёнка не решал никак. Мне понадобилось специально поработать над собой, чтобы шаг за шагом дать больше свободы дочке и поменьше душить её своей заботой. Даже не хочу представлять, что будет, когда она повзрослеет, впервые приведёт ко мне какого-нибудь чёрта и скажет: «Папа, знакомься, это мой парень. Я переезжаю жить к нему». Бр-р-р... Впрочем, если Арина после развода выберет Лиду, то следующий этап сепарации наступит совсем скоро. Нет, конечно же, я никуда не денусь из жизни дочери, но многое изменится.

Я заметил в соседнем ряду выезжающий «гелик» и, отогнав размышления и воспоминания, быстро поехал занимать парковочное место. Если у нас с Ариной равные шансы на победу, я не поддаюсь ей никогда. Во-первых, люблю соревнования и люблю выигрывать, а во-вторых (и, на самом деле, в-главных), я хочу, чтобы дочка умела добиваться поставленных целей. А вечные поддавки этому плохо способствуют. Хотя, надо сказать, соревновательный дух у неё и так есть. Удивительным образом оказалось, что Арина во многом больше похожа на меня, чем на родную мать.

Например, склонность дочки анализировать информацию, искать логические ошибки, да и в целом раскладывать всё по полочкам, будь то учебники или возникающие в голове вопросы и ответы. Порой это очень удивляет. Не читал ничего на подобную тему, но это как будто бы какая-то приёмная генетика.

Да, я не биологический отец Арины. Но она единственный мой ребёнок, других у меня не было и не будет.

В детстве я болел лейкемией, от которой, кстати говоря, спустя несколько лет после моего рождения умер и мой отец. Мне повезло больше. Мама с бабушкой приложили невероятные усилия, убили кучу нервов и времени и вместе с врачами победили мою болезнь, точнее, добились ремиссии, которая длилась уже более тридцати лет. Но цена была огромной. Мы продали наш любимый дом, вместе со всеми ценными вещами, семейными реликвиями, в том числе мамиными и бабушкиными картинами, которые они всю жизнь отказывались продавать. Дом, где выросла моя мама и где рос я до момента, когда нам понадобились деньги на лечение.

Помимо материальных трат, я заплатил ещё и здоровьем, в частности возможностью иметь детей. Узнал я об этом самым худшим из возможных способов. Задолго до Лиды у меня была жена. Мы познакомились на выставке Николая Рериха в Третьяковской галерее. Через год расписались, а ещё через полгода жена забеременела. УЗИ на раннем сроке выявило серьёзные отклонения в развитии плода...

Жене пришлось сделать аборт.

Пережить эту трагедию вместе нам не удалось: мы развелись. А через некоторое время я получил дополнительное доказательство к предположениям врачей о причинах отклонений у ребёнка. Моя бывшая жена повторно вышла замуж и вскоре родила здорового малыша.

Вот тогда я и решил, что никакой человеческий фактор, нелепая случайность, пьяная выходка, хоть всё это и не похоже на моё обычное поведение, но тем не менее — ничего из вышеперечисленного не должно привести к тому, чтобы ещё один ребёнок умер в результате аборта или родился инвалидом. Я сделал вазэктомию. Это не было актом отчаяния. Нет, я был уверен, что всё равно рано или поздно обрету семью.

В дальнейшем у меня были отношения с разными женщинами, и с одной из них мы даже завели разговор про искусственное оплодотворение донорской спермой, но та женщина не была готова на такой шаг, считая, что мужчины не способны любить неродных по крови детей. Убедить её у меня, к сожалению, не получилось. У другой моей партнёрши тоже были проблемы со здоровьем, и, когда она узнала про мои «особенности», решила, что двое людей с бесплодием в одной семье — это перебор, и мы расстались. Третью панически напугал мой рассказ про лейкемию в детстве, и, хотя передать свою наследственность я больше никому не мог, ей оказалось достаточно и этого.

В общем, всякое бывало. И всё безуспешно.

Думаю, это была бы очень грустная история, если бы сейчас я не шёл по парковке встречать свою любимую Аришку. Она — награда за трагедию и боль, которые свалились на меня в прошлом. Она — результат того самого пути, который называют неисповедимым. И спасибо Богу за него.

Выяснилось, что я проиграл — Арина добралась до выхода раньше, чем я успел припарковаться и дойти до него. Так что теперь, сжимая в руках рабочую тетрадь, дочь сияла победной улыбкой.

Добравшись до школы, мы обменялись поцелуйчиками в носы: вначале я Аришку, потом она меня, — наш обычный ритуал на прощание.

— Я подъеду впритык по времени, так что будь готова, хорошо?

— Да, пап, — сказала Ариша, захлопнула дверь машины и, махнув рукой на прощание, побежала к подруге, которая ждала её у входа в здание.

А я, провожая дочку взглядом, невольно повторил уже вслух то, что недавно звучало в моей голове: «Спасибо Богу...»

16

Вадим

После расставания с Ариной настало время уделить внимание другому моему «ребёнку» — в этот раз на профессиональном поприще. Студию архитектуры и дизайна, организованную мной много лет назад, я назвал «Баухаус» — в честь немецкой школы, оказавшей огромное влияние на развитие архитектуры в двадцатом веке.

Последние восемь лет мы работали и принимали клиентов в небольшом двухэтажном здании в историческом центре города. Несмотря на то, что этот дом был построен в девятнадцатом веке, мы с моей командой застали его в аварийном состоянии, и в администрации города были люди, продвигавшие идею сноса здания. Но мы подняли все возможные связи, стараясь доказать ценность этого дома для города, и взяли на себя обязанность отремонтировать всё на собственные средства — в случае сохранения здания и передачи его нам в аренду на льготных условиях.

И если снаружи мы восстановили здание максимально приближённо к тому, каким оно было в девятнадцатом веке, то внутри уже позволили себе творить всё что угодно, потому что восстанавливать там было практически нечего и никаких фотографий внутреннего убранства дома не сохранилось. В итоге получился стильный современный офис творческой команды.

Я зашёл в холл на первом этаже и невольно улыбнулся. Так бывало всегда, как только я видел акт творческого хулиганства, что все эти годы вызывал споры у моих коллег. Кто-то говорит — китч и безвкусица. А кто-то снимает шляпу и предлагает выставить экспозицию из нашего холла в какой-нибудь современной галерее.

Мой хороший друг и уникальный скульптор занял весьма необычную нишу на рынке творческих услуг, занимаясь художественным уничтожением скульптур из гипса, мрамора и других материалов. Если точнее, он создаёт якобы уничтоженные естественным путем произведения. И делает это таким образом, что выглядит очень натурально. Кто-то скажет: ломать не строить. Но это как раз тот случай, когда ломать надо уметь!

В общем, давным-давно я заказал у него для «Баухауса» копию скульптуры Лаокоона с сыновьями и змеями, разлетающуюся на куски. Но сложность задачи была в том, что я попросил его изобразить момент якобы взрыва, чтобы осколки оставались подвешенными в воздухе, как будто бы мгновение разрушения было поставлено на паузу. Для посетителей «вау-эффект» был обеспечен. (Мои подчинённые, кстати, часто называли подобное не «вау-», а «бау-эффект» — от названия фирмы.)

Мне действительно нравилась эта идея. Как сказал один из героев фильма «Бойцовский клуб»: «Мне захотелось разрушить что-то прекрасное».

Но сейчас эта работа неожиданно напомнила о нашем с Лидой браке, также находящемся в моменте распада на куски.

Я поднялся на второй этаж. Администратор Настя в это время разговаривала со Светой из отдела маркетинга. Обе девушки поздоровались со мной, и я пошёл в сторону своего кабинета, ловя по пути взгляды других коллег.

Зачем-то обернувшись, я заметил, что Настя со Светой о чём-то перешёптываются, глядя на меня. Тут же возникло странное ощущение, что на мне сегодня сосредоточено какое-то избыточное внимание. Даже мелькнула невероятная мысль, что слухи о кризисе в моей семье просочились на работу, хотя это и было невозможно.

Но девушки вели себя как-то странно. Или мне показалось?

Однажды мой друг Сашка озвучил теорию, по которой утверждалось, что женщины чувствуют, если мужчина становится вакантным. Несмотря на отсутствие доказательств, я вспомнил, что у меня были эпизоды в жизни, словно подтверждающие эту концепцию.

С другой стороны, возможно, всё наоборот: и это мужчина, став вакантным на рынке межполовых отношений, неосознанно подаёт сигналы во внешний мир. Да, это было бы забавно...

Я пошёл по коридору между столами, за которыми работали мои дизайнеры и проектировщики, и вдруг краем глаза заметил странную картинку на одном из мониторов.

Я подошёл ближе и остановился. За компьютером работала девушка по имени Маша — она присоединилась к нам недавно. Как и любой новичок, девушка нервно отреагировала на остановившегося за её спиной начальника, замерев и съёжившись. Я поинтересовался:

— Мария, почему я вижу в твоём проекте интерьера Венеру Милосскую, расписанную под хохлому?

— А-а-а... это... пожелание заказчика, — запинаясь, пробубнила она.

— Понятно, — кивнул я. — Значит так, Мария, запомни очень важное правило! — Я заметил, что напугал её и поспешил успокоить: — Да не переживай, обычный рабочий момент. Так вот, если заказчик хочет что-то эдакое, например, раскрашенную под хохлому Венеру, то не забывай, что у тебя пока что самые низкобюджетные клиенты и они не потянут создание эксклюзивных объектов для интерьера. Ты потратишь время на проект, который в итоге не пройдет по бюджету. Поэтому алгоритм твоих действий таков: во-первых, хвалишь креативность клиента и его замечательную идею. Во-вторых, предлагаешь ему не останавливаться на достигнутом и быть ещё смелее в своей фантазии и придумать что-то ещё вместе с тобой. И третий пункт: вместе с ним под твоим чутким руководством стараешься сделать так, чтобы подобная безвкусица, как эта расписная Венера, в вашем проекте отсутствовала. Нежно, чутко, так, чтобы заказчик был очень горд собой и своей креативностью и не подозревал, что всё это дело твоих талантливых мозгов, хорошо?

— Да, Вадим... — девушка запнулась: видимо, не могла привыкнуть, что к генеральному директору принято обращаться только по имени и просто на «ты».

— А если не подействовало, тогда тактично напоминаешь заказчику, что он пока зарабатывал только на хохлому, но не на Венеру.

Новенькая хихикнула и кивнула мне в знак понимания. Я оставил её трудиться и продолжил словно нескончаемый путь до своего кабинета.

Закрывая дверь, окинул взглядом офис. Никто на меня не смотрел.

Но сегодня я впервые осознал, как много девушек работает в «Баухаусе». Никогда не придавал этому особого значения, поэтому, видит бог, не замечал очевидной статистики.

Что-то явно изменилось. И, видимо, не вокруг, а во мне.

Перевёл взгляд на новенькую и задумался.

А точно ли из-за хохломы я подошёл к ней?

Да она же со спины один в один Лида! Лида из тех времён, когда она только пришла на стажировку в «Баухаус». Длинная светлая коса, даже общий силуэт похож, фигура...

Меня поглотили воспоминания.

17

Вадим

Двадцать три года назад студия зародилась в виде небольшого сайта-визитки, который создавал видимость, что услуги по разработке дизайна интерьеров и экстерьеров оказываю не я — вечный студент, подрабатывающий в университете, — а настоящая студия. Понадобились годы, чтобы реальность догнала ту приманку для клиентов, опубликованную на сайте. Впрочем, клиенты были довольны и обманутыми себя не чувствовали. Работал я на износ.

В первый же год я стал передавать некоторые заказы своим коллегам. На третий год мы арендовали первый офис. Мы — это я и несколько особо заряженных на работу дизайнеров и архитекторов.

Довольно быстро из первого состава в студии остался только я один. С тех пор я и числюсь генеральным директором и единоличным владельцем.

Так как долгое время я подрабатывал на самых разных должностях в университете, а затем и дослужился до преподавателя, со временем стал звать самых талантливых своих студентов на стажировку в «Баухаус». Плюсов у этой затеи было очень много. Выращенные мной кадры умели именно то и так, как мне было нужно. И в то же время я мог выбирать тех, кто был способен приносить свежий взгляд в проекты и смело идти против мнения авторитета (как заказчика, так и моего) ради достижения наилучшего результата.

И, что уж тут говорить, благодарность студентов за полученный опыт, даже если они не оставались у меня для дальнейшей работы, всегда заряжала меня дополнительной энергией. Я знал, что делаю доброе дело и вношу свою небольшую лепту в развитие ремесла, которое люблю.

Единственным серьёзным недостатком такого сотрудничества между студией и университетом было то, что некоторые молодые и прекрасные студентки начинали уделять мне слишком много внимания. Кто-то из корыстных целей, кто-то искренне влюблялся в меня, кто-то просто хотел поставить галочку в графе — трахнуть симпатичного препода. Нет, я не выдумал. Мне показали дневник одной девушки. Слово в слово там так и было написано. И даже пустой квадратик для галочки нарисован. Пустым он, естественно, и остался в итоге.

Мне, наверное, некоторые могут возразить, что это всё не проблема, а благословение. Да, для тех, у кого нет строжайшего табу, как у меня, — никогда и ни при каких обстоятельствах не спать со студентками и коллегами, — это действительно так.

А потом в моей жизни появилась Лида. К счастью, она была из тех девушек, кто лично от меня, вне моих регалий, ничего не хочет. Всё, что ей тогда было нужно, — это знания преподавателя Вадима Юрьевича Озёрского и практика в его студии.

В итоге, сама того не желая, Лида стала единственным исключением из табу, которое я не нарушал ни разу как до её появления в моей жизни, так и после. Бывало даже, что приходилось увольнять красивых молоденьких девушек, если они проявляли ко мне отнюдь не профессиональный интерес. У них не было шансов, потому что у меня была Лида. И если они этого не понимали и не могли чётко разграничить работу и личное, то их пути со студией расходились.

Надо сказать, что любви с первого взгляда у меня с Лидой не произошло. Да, внешне она была прекрасна. А время показало, что у неё много и других положительных качеств. Несмотря на её инфантильность и эгоцентризм, Лиду никогда нельзя было всерьёз обвинить в меркантильности (проявить её у Лиды была куча возможностей, начиная с момента, когда она связала свою жизнь со мной), жадности, завистливости. В целом по ней и во времена студенчества было видно, что Лида добрый и как минимум неплохой человек. И понимание этого сильно

повлияло на мою реакцию на её рассказ про беременность и всю ситуацию, в которой Лида неожиданно оказалась.

С моей стороны предложить Лиде выйти за меня замуж было удивительно быстрым решением. Я мог бы назвать эту идею экстремальной и безумной, но в то же время я точно знаю, что она была зрелой и взвешенной. Она лежала у меня где-то в чертогах разума, как любая другая идея или проект. Да, у меня имелся некий эскиз на тот случай, если я вдруг встречу девушку, которой можно будет сделать — в определённом смысле — деловое предложение.

Да, я отнёсся к идее создать семью с Лидой как к бизнес-проекту, это верное сравнение. Однако классические способы создания семьи не приводили к результату уже много лет, а я к тому моменту не просто хотел семью, а нуждался в ней.

С работой всё было, можно сказать, даже слишком хорошо. Всё шло как по маслу, отчего мотивация двигаться дальше начинала пропадать, внутри появилась пустота, и я был уверен, что мне необходимо найти ради кого продолжать делать своё дело.

И план сработал! Более того, со временем я полюбил Лиду всем сердцем. Искренне и бескорыстно. То, что было всего лишь проектом, предложением взаимовыгодного сотрудничества, стало настоящей полноценной семьёй.

Так я думал до недавнего времени. Но теперь...

У любого проекта есть свой срок. И если «Баухаус» пока процветает, то наш с Лидой брак резко пришёл к завершению.

И судя по тому, что я стал замечать женщин вокруг себя, я неосознанно перехожу на новый этап жизни.

Так быстро?

Я снова машинально потрогал кольцо на пальце. Я до сих пор его не снял, чтобы не привлекать внимание Арины и окружающих.

И не зря.

Надеюсь, мне показалось и сезон охоты на почти холостого меня ещё не открыт. Слишком всё это быстро, несмотря на то, что болезнь в раннем возрасте научила меня спешить жить.

Я повесил на дверь кабинета табличку «Беспокоить только в случае пожара» и погрузился в дела.

18

Вадим

Когда я подъехал к школе, Арина с грустным выражением лица уже ждала меня на выходе. Увидев мою машину, она обрадовалась и побежала, чтобы быстрее нырнуть в салон.

— Ну, как всё прошло? — спросил я.

— Нормально. Обычный день, — застёгивая ремень безопасности, пробурчала дочка.

— Чего тогда такая грустная стояла?

— Кучу всего задали, не знаю, когда я это буду делать на выходных. И вообще хочу выспаться, хочу гулять и хочу, чтобы быстрее начались каникулы!

— Насчёт выспаться и погулять — звучит вполне выполнимо. Ложись сегодня пораньше, да и всё. Погулять тоже можешь завтра, после стоматолога и английского. А каникулы не скоро, да. Но четверть короткая и быстро пролетит. А на новогодние каникулы можно куда-нибудь скататься, если хочешь. Только билеты надо заранее взять.

— Всем вместе? — сказала Арина, и я почувствовал её взгляд на себе.

— Всем вместе что?

— Все поедет? Я, ты и мама?

Как же не хотелось ей врать. Я запнулся на мгновение, а потом ответил уклончиво:

— Я могу сказать точно только про себя. Лично я на зимних каникулах могу поехать с тобой куда-нибудь. Это свежая идея... Больше ничего не знаю.

— Ясно,— вздохнула дочка и отвернулась от меня.

— Ты голодная? — я попытался перевести разговор в другое русло.

— Нет, я съела мамин омлет, пока ждала тебя после уроков.

— И как? Много скорлупы? — поинтересовался я и бросил на неё заговорщический взгляд.

— Не-а. Всего лишь два кусочка, — ответила Арина, и мы оба засмеялись.

.

В школу танцев приехали едва не опоздав.

Арина побежала переодеваться, я перекинулся парой фраз с администратором, поздоровался с тренером — девушкой лет двадцати пяти с очень строгим выражением лица, невероятно пластичным телом и очень мягким голосом. Дочка без ума от неё и с трудом представляет, как можно заниматься с кем-то ещё. И это при том, что на первое занятие я привёл её через слёзы, уговорив хотя бы один раз попробовать.

Я уже пошёл в сторону выхода, чтобы выпить кофе в соседнем здании, пока будет идти занятие, когда меня вдруг окликнул незнакомый голос:

— Прошу прощения...

Я обернулся и окинул взглядом невзрачно одетую женщину лет тридцати. Тёмно-каштановые волосы, собранные в хвост, карие глаза, виноватая улыбка на лице и пристальный взгляд, изучающий не кожу, а то, что под ней. Так смотрят недоверчивые люди.

— Да? — откликнулся я.

— Я видела, что ваша дочка здесь занимается, если я правильно поняла.

— Правильно, — сказал я и посмотрел на наручные часы.

— Я хочу привести сюда сына, но не понимаю, хорошая ли это школа. В интернете отзывов мало, да и сами знаете, как многие из них пишутся. Администратор, конечно же, расхваливает, как тут гениально всё придумано и как понравится моему сыну, хотя она его в глаза не видела. Оно и понятно, ей надо продать абонемент. А мне-то что делать? Вот я и не знаю, кому верить.

— И вы решили поверить мне, первому попавшемуся незнакомцу?

— Вы хотя бы точно живой человек, а не бот в интернете. И вроде как не продаёте абонементы. Или продаёте? — на её лице появилась ироничная гримаса, от которой на одной из кругленьких щёчек образовалась игривая ямочка. И мне это понравилось. И ирония, и ямочка.

Я засмеялся. Её взгляд смягчился. Я как будто бы прошёл один из её тайных тестов.

— Нет, у меня другая работа. А про танцы, — я на мгновение запнулся: понял, что произнесу сейчас то, что не говорил посторонним женщинам уже очень много лет, — давайте я расскажу вам за чашечкой кофе? Не подумайте ничего плохого, — я сказал ей это действительно без задних мыслей, — просто я, пока дочь танцует, обычно хожу в соседнее здание, там приличная кофейня. Если у вас есть время, пойдёмте туда вместе, и я расскажу всё, что вам будет интересно.

— Да, спасибо большое. Буду очень благодарна. Я много времени у вас не отниму.

— Больше, чем длится занятие, точно не отнимете, так что не переживайте.

Она улыбнулась, и мы пошли на выход.

Я заказал американо, она капучино. Она задавала вопросы, я отвечал. Её звали Лера, и она словно решила выведать у меня всю информацию не только о школе танцев, но и о других активностях Арины. Видимо, почуяла основательность в подходе, который я использовал при выборе школы.

Общались прилично и совсем недвусмысленно до одного конкретного момента.

Лера решила поправить причёску и, почему-то немного виновато посмотрев на меня, распустила волосы и стала собирать их в новый хвост. И я неожиданно понял, что она чертовски напоминает мне известный автопортрет художницы Зинаиды Серебряковой, где та за утренним туалетом ухаживает за своими волосами.

После этого мне стало сложнее слушать, что говорит Лера, потому что я начал разглядывать её лицо и длинную изящную шею как произведение искусства, точь-в-точь как разглядывал бы ту картину в Третьяковской галерее.

Я снова машинально потрогал кольцо, которое много лет назад надела мне Лида. И тут же обратил внимание, что у моей собеседницы нет кольца, но есть след от него.

К счастью, нам как раз настало время идти назад, поэтому можно было больше не думать, что всё это значит для меня. А ведь двумя неделями раньше, до того, как Лида сбежала в закат, я бы не предложил этой незнакомке пойти попить кофе. Точно нет, потому что все годы супружества с Лидой я избегал любые двусмысленные ситуации. Даже с бизнес-партнёрами-женщинами не встречался тет-а-тет, всегда брал кого-то ещё на переговоры или назначал встречи в максимально неподходящих для флирта местах.

Естественно, я не попросил у Леры номер телефона. А она не спрашивала мой. Только поблагодарила за информацию и ушла.

И хорошо. Я чувствовал неловкость и неуместность произошедшего, потому что в моей голове за наслаждением эстетикой и отсылками к великим произведениям искусства явно скрывалось что-то ещё, более приземлённое и давно забытое.

Я только что впервые за одиннадцать лет на крошечное мгновение разрешил себе испытать физическое влечение к какой-то другой женщине помимо Лиды.

Нет, это всё не для меня! Прошло недостаточно времени.

И труп моего брака ещё не остыл.

19

Вадим

«В начале было слово». И слово это — пятница. Но каждую неделю встречаться слишком жирно, и стала пятница «третьей пятницей». А потом и сократилась просто до Третьей. Да, так мы и стали говорить: «До встречи в Третью».

Кто такие «мы»? Четыре старых друга, которые раз в месяц встречаются, чтобы без посторонних людей, в том числе без своих женщин, в сугубо мужской компании поиграть в покер, продегустировать бутылочку чего-нибудь экзотического и редкого, выкурить сигару и обсудить всё подряд, о чём обычно говорят мужчины.

Я отвёз Арину домой после танцев, оставил свою машину у дома и вызвал такси, потому что в этот вечер распитие алкоголя было неизбежным.

У загородного дома в вычурном псевдоготическом стиле меня встретил Виктор — холостой хозяин этого архитектурного недоразумения. Подкалывать друга насчёт проекта, по которому он построил дом, стало обязательным элементом каждой нашей встречи. Впрочем, нас обоих это устраивало. Он не обижался и остроумно парировал каждую мою нападку.

Виктор — убеждённый холостяк, большой любитель женщин и просто харизматичный сукин сын, чем всячески пользуется всю жизнь. Несмотря на далёкий от молодёжи возраст, он вовремя разобрался с криптовалютами и переключился с инвестиций в классические ценные бумаги в этот тренд двадцать первого века. На нём и сделал себе состояние, о котором предпочитает умалчивать. Как и о количестве перенесённых венерических заболеваний, зачистую идущих в комплекте с его образом жизни. Ведь о количестве женщин, с которыми спал, Виктор охотно рассказывает при первой же возможности. В прошлую Третью их было где-то около ста пятидесяти.

Удивительно то, что успехом у женщин Виктор пользовался во все времена: как будучи неказистым бедным студентом, так и являясь порядком облысевшим пузатым миллионером. Сила харизмы, не иначе. Однажды я спросил у него, почему он не хочет создать семью. Виктор ответил не раздумывая, что семья не сделает его счастливым, зато он точно сделает эту семью несчастной. Больше я не задавал таких вопросов.

Впрочем, не могу сказать, что Виктор на моей памяти сам когда-нибудь выглядел по-настоящему счастливым. Но получать удовольствие от жизни он явно умел, что и демонстрировал каждый раз, доставая для наших встреч бутылку какого-нибудь эксклюзивного дорогого алкоголя.

В этот вечер он разливал нам бельгийский эль «Vieille Bon-Secours» стоимостью около тысячи двухсот долларов за огромную двенадцатилитровую бутылку. Питьё оказалось действительно неплохим, но аромат лимона, карамели и аниса всё-таки на любителя. Поэтому после дегустации я переключился на виски со льдом.

Сразу после меня приехал Артур, директор по развитию небольшого, но активно растущего банка. Женатый отец двоих мальчишек-старшекласников. Почти безгрешный человек, с его слов никогда в жизни не изменявший жене, с которой прожил уже почти двадцать лет. Одна проблема не давала ему покоя — в последнее время Артур перестал хотеть свою супругу, а на все её потуги заинтересовать мужа у него возникало ещё большее физическое отторжение. Но Артур не любит рассказывать о своей личной жизни, как и я. Один раз только поделился с нами, потому что ром, привезённый Виктором с Кубы, развязал ему язык.

Последним приехал Сашка. Вечно опаздывающий и самый болтливый и экспрессивный персонаж в нашем квартете. В свои сорок два года он одевается как подросток, только что вышедший со скейт-парка, чем постоянно удивляет людей, с которыми встречается по работе.

У Сашки доля в семейной строительной компании, поэтому он активно бездельничает уже много лет. Однако Сашка отлично ведёт переговоры, поэтому его отец и прочие партнёры по бизнесу терпят Сашкину пассивную вовлечённость в ежедневные проблемы их конторы.

Подобный полезный навык привёл Сашку и к одному сомнительному успеху в личной жизни.

Уж кто-кто, а Сашка всегда рассказывал нам про свою жизнь даже то, чего нам и вовсе не хотелось бы знать. Но заткнуть его сложнее, чем жерло активного вулкана. Тем не менее Сашка отчего-то давно не упоминал про отношения с женой, которой он изменял, и неоднократно, пока она об этом не узнала. Тогда он, проявив те самые недюжинные навыки ведения переговоров, добился прощения, да так, что у их пары даже родился второй ребёнок.

Когда Лида мне изменила, я сразу подумал про Сашкину жену. И сегодня, не рассказывая своей истории, хотел узнать у него, как всё-таки им живётся вместе, спустя столько лет после его измен и её прощения.

И когда мы уже обсудили и политику, и байки со своих работ и шёл уже третий час игры в покер — в воздухе клубился дым кубинских сигар, а алкоголь давно сделал своё дело, судя по расслабленным позам и замутнённости глаз, — я спросил Сашку:

— Дружище, а как у вас с Мариной? Нормально всё?

Друг тяжело вздохнул. Недобро посмотрел на меня — но я понимал, что вряд ли это был взгляд в мой адрес. Скорее, Сашка злился на ситуацию, о которой я его спросил.

— Да ни хрена подобного! Друзья, я грешен. Вы это знаете...

— Это не грех. Это природа, — перебил его Виктор.

— Так! Вот не надо это всё тут начинать сейчас. Это и грех, и предательство, и вообще! Будь это не так, я бы... — встрял в разговор Артур.

— Жил бы в гармонии со своей природой, — лениво продолжил Виктор, — и вместо жены, которую не хочешь, пошёл бы спокойно трахаться с теми, кого хочешь! И не было бы проблем.

— Вообще-то Вадим меня спросил, — возмутился Сашка, — дайте я уже договорю, а потом можете перетереть о грехах и прочей херне, которую вы так любите...

Виктор и Артур подняли вверх ладони, будто бы сдавались в плен.

— Спасибо, друзья, — хмыкнул Сашка и снова повернулся ко мне. — Так вот. Вы, я думаю, помните, что моя дражайшая Марина тоже знает о том, что я много лет налево ходил, да? Да! И вот с тех пор, как она об этом узнала, я на самом деле исправился, ни к одной жопке, представьте себе, не прикасался! Заглядывался, да, бывало, но как иначе-то? Да и не меняются люди так быстро, дайте мне ещё время! Вообще лет через двадцать, может, я импотентом стану, и проблема решится сама собой.

Мы засмеялись.

— В общем, я все эти годы, с тех пор как встал на путь истинный, — Сашка громко икнул, отпил немного виски из бокала и продолжил, по-прежнему глядя только на меня, но рассказывая всем, — был шёлковым и пушистым, идеальным мужем и отцом. У нас даже второй ребёнок родился. Да мне, б**, памятник надо поставить! Я пересобрал себя заново! Стал практически другим человеком! А Марина что? Что Марина? Ни *уя! Вот что. Не простила она меня. Из года в год я думал, что вот-вот сейчас она растает окончательно, что время лечит. Когда Дашка родилась, я был уверен, что ну уж теперь-то всё шито-крыто. Ни хера подобного! Дашке уже три года, а Марина так и относится ко мне как к пустому месту. Да нет, хуже! Я для неё как таракан, которого не удаётся вывести из квартиры, и проще свыкнуться с его наличием, чем каждый раз расстраиваться, когда его видишь. Вот и она так со мной!

Сашка опять глотнул виски и прокашлялся. Во время этой паузы я погрузился в свои мысли, невольно примерив на себя роль Марины. Супруг, который простил не прощая.

— То есть понимаете, что она сделала? — тяжело вздохнул Сашка. — Она вроде как простила, да, живёт со мной физически, но эмоционально, или как это назвать, хер знает, она вообще не со мной! Забила на меня болт! Занимается своими делами, работает, детей воспитывает, а я где-то рядом болтаюсь, и *уй со мной. И знаете, что я вам скажу, друзья? Это охренеть как обидно! Я ж эту дуру люблю!

Всё-таки, при всей Сашкиной болтливости, слово «любовь» я от него слышал только подшофе.

— Если бы не любил, то не вернулся бы. Что мне, сложно бабу найти? Нет, жил бы как Витёк, и всё.

— Жить как я не так-то просто и безмятежно, как тебе кажется, — сказал Виктор, как будто подтвердив мои мысли о том, что я никогда не видел его по-настоящему счастливым.

— Ой, Вить, я тебя умоляю! Ты просто грустный душнила, тебя хлебом не корми, дай в депрессию впасть. А я не такой, я кайфую от жизни, и всякую меланхолию я в рот е**, если уж откровенно. Так что я бы справился, если бы захотел! Но я хочу быть с Мариной, понимаешь? — теперь Сашка смотрел уже на Виктора. — А все те бабы — ну, это же ерунда, это же просто секс, а не любовь. А Марина так ведёт себя, будто я сжёг её родную деревню и меч ей в спину воткнул! Ну зачем настолько всё усложнять и драматизировать? И вообще, раз уж она решила семью сохранять, ну так надо по-честному сохранять, а не эти вот полуфабрикаты херовы — вроде бы внешне всё в порядке, идеальная семья, и ребёночка ещё одного заделали, а на самом деле как чужие друг другу люди живём. Да между врагами больше уважения, чем у неё ко мне. И как её встряхнуть — непонятно; что и как делать в этой ситуации — неясно. А? Что делать-то, друзья? Ладно, Виктор, тебя не спрашиваю, ты ещё не дорос до серьёзных отношений, может, в доме престарелых когда окажешься, найдёшь себе цыпочку со вставной челюстью...

Мы вновь хором заржали.

— Артур, прости, но ты тоже не авторитет. Жить с женой, которую не хочется...

— Без грубостей! — всерьёз и одновременно шутя погрозил ему Артур.

— Да я со всем уважением, Артур! У тебя прекрасная жена, лучи добра ей, и вообще, ты знаешь, как я к твоей семье отношусь. Но!

— Всегда есть «но»...

— Но! Я бы так не смог. — Сашка сделал многозначительную паузу. — Честно скажу, я сбежал бы к первой попавшейся крале, если бы понял, что не хочу свою жену. Ладно, если жена не пускает в постель, но я должен её хотеть, иначе никак! Я, конечно, охренею, на стену буду лезть, яйца будут болеть, а кулак стёрт от дроch...

— Избавь от подробностей, — перебил его я, поморщившись.

— Ладно-ладно! Мистер Вадим Нежные Ушки. В общем, Артур, у тебя достаточно херово обстоят дела, чтобы я слушал твои семейные советы. Без обид.

— Я и не претендовал, — пожал плечами Артур.

— Ну, а что скажешь ты? — Сашка пристально посмотрел на меня, затягивающегося сигарой. — Какой совет даст мистер идеальный муж из идеальной семьи с идеальной женой? А? Что мне делать, гуру?

Я закашлялся и поднял бокал виски.

— За наших жён, — просто сказал я.

Артур поднял бокал.

Виктор тоже, но добавил, что пьёт за наших жён и за то, что у него, к счастью, нет супруги.

Саша недовольно развёл руками, поняв, что я ушёл от ответа на вопрос, но присоединился к тосту.

Разъехались мы около часа ночи.

Надо ли говорить, что монолог Сашки произвёл на меня самое глубокое впечатление?

Несмотря на то, что я много выпил в этот вечер, я, как и всегда, оставался в здравом уме и отлично всё осознавал, отчего поездка на такси по ночному городу оказалась полной размышлений о правильности моего решения развестись с Лидой. При всей экспрессивности и эпатажности Сашки, я не мог с ним не согласиться. Если уж сохранять семью, то по-настоящему. А для этого нужно быть уверенным, что простил человека. В противном случае будет не семья, а полуфабрикат, как сказал Сашка.

Полуфабрикат. Я вспомнил эту метафору и усмехнулся, глядя на мелькающие огни ночного города.

Дома было темно. Я тихо разулся, снял куртку и прошёл на кухню, чтобы вымыть руки и попить воды.

В кино часто используется такой сюжетный ход. Персонаж заходит к себе домой или в номер отеля и не замечает, что в тёмном углу, на стуле или в кресле, сидит кто-то и поджидает его.

Почти так же получилось и у меня.

В темноте кухни, подсвеченной лишь огнями города, пробивающимися сквозь прозрачные шторы, за столом сидела женщина, подарившая мне семью. И сама же её и убившая.

20

Лида

«Это же не было командировкой, да?»

Последняя фраза Арины эхом отдавалась у меня в ушах, заставляя сердце биться в бешеном ритме. Перед глазами медленно темнело, и мне казалось, что я умру прямо там, перед входной дверью, глядя на то, как дочь снимает свою яркую осеннюю куртку, не отрывая от меня взгляда. Глаза Арины были такими же, как у Ромки и у меня, — насыщенно-голубыми, — но смотрели иначе. Удивительно, но именно сейчас, в это самое мгновение, когда я задыхалась от отчаяния и чувства вины перед своей семьёй, Арина как никогда казалась мне похожей на Вадима.

Так было всегда. Всегда, сколько я помнила их обоих. Будто там, на небе, плевать хотели на генетику.

— Не было, — сказала я сипло и сглотнула горький комок в горле. — Ариш... пойдём на кухню, поговорим. И, может, пиццу закажем? Я, по правде говоря, очень голодная...

— Давай, — кивнула дочь, впрыгивая в тапочки. Она вроде бы улыбалась — но глаза смотрели серьёзно, настороженно и вдумчиво. С точно таким же выражением лица Аришка обычно решала задачи по математике. — Пойду помою руки, а ты пока сделай заказ, мам. Мне «Четыре сыра»!

Даже любимая пицца у них с Вадимом была одна и та же.

— Я помню, — откликнулась я негромко и вновь перестала дышать, услышав в ответ небрежное:

— Ну мало ли.

Нет, это не было желанием уколоть. Так же, как и у Вадима сегодня с утра, когда он говорил про мусор в доме. Однако, как и он где-то в глубине души считал, что я притащила сюда грязь вместе с собой, так же и Арина думала, что я могла забыть о том, какую пиццу она любит.

И увы, но это отчасти было правдой. Я действительно часто не держала в голове такие мелочи. Для меня это было сродни ведению хозяйства — в принципе, я могла заниматься домом, но недолго и некачественно. Так же и здесь: что-то я помнила, но частенько и забывала. Хотя всё же чаще я забывала то, что касалось Вадима...

Пока Аришка мыла руки, меня обожгло воспоминанием.

Это было почти перед самым моим... пусть будет отъездом. Мне всё ещё было сложно думать про свой поступок как про побег или предательство.

Так вот, за несколько дней до этого я умудрилась подняться к завтраку. Подобное для меня огромная редкость — обычно я сплю как минимум до девяти, а то и дольше.

В общем, я выползла на кухню, напоминая сонную муху, села рядом с оживлённо обсуждающими что-то Вадимом и Ариной — они-то жаворонки и оба с утра всегда возмутительно бодры — и решила сделать себе кофе.

— Сделай и мне, — попросил Вадим, я кивнула, взяла с полки чашку... и замерла, глупо хлопая глазами, когда муж с улыбкой заметил: — Лида, я не пью кофе из таких больших кружек. Да она и не поместится в кофемашину. На полке ниже есть чашки специально под кофе. Стекланные.

— А-а-а, точно, — пробурчала я, вздохнув, и поменяла чашку.

Я тогда даже внимания не обратила на этот эпизод — для Лиды-из-прошлого он ровным счётом ничего не значил. Подобное происходило постоянно. Я частенько забывала, что Вадим,

например, не любит зелёный чай, а чёрный всегда пьёт без сахара (в отличие от меня), терпеть не может песочное печенье и сушки с маком. Каждый раз я словно открывала всё заново...

Однако теперь, после двухнедельного отсутствия, я начала смотреть на такие моменты другими глазами. Наверное, потому что сама столкнулась с подобным отношением — Ромке было совершенно, абсолютно, бесконечно плевать на то, что я там люблю или нет, нравится мне что-то или не нравится. Его это вообще не колыхало. И от такого отношения неожиданно повеяло пренебрежением...

Может, и Вадим считает, что я им всегда пренебрегала?

— Ма-а-ам? — раздался вопросительный голос Аришки где-то рядом. Я обернулась. Дочь стояла возле меня — а я так до сих пор и находилась в коридоре, а не на кухне — и смотрела с какой-то удивительной взрослостью. — Ты заказала пиццу или нет?

— Ой... — Я едва не ударила себя ладонью по лбу. — Забыла!

Арина хмыкнула — точь-в-точь как Вадим, улыбаясь на одну сторону рта, — и немного насмешливо протянула:

— Ты сейчас прям как папа сразу после твоего отъезда. Он тогда тоже целый день будто зависал в пространстве. Рассеянный был, забывал всё. Даже в туалете за собой не спустил.

Я покачнулась, наполняясь диким ужасом.

Господи... Что же я наделала!..

— А... Ариш... Ты ему сказала об этом?

— Чтобы он ещё сильнее переживать начал? — покачала головой моя излишне взрослая и мудрая дочь. — Не-а. Пойдём на кухню, мам. Пиццу я сама закажу.

Арина развернулась и отправилась на кухню, не оглядываясь на меня.

Раньше она никогда так не делала...

21

Лиди

Арина справилась с заказом буквально за пару секунд, причём я с удивлением наблюдала за тем, как она по памяти набивает номер своей банковской карточки. Вадим тоже помнил наизусть номер своей карты, и паспорта, и других документов. Я порой путала цифры в собственном номере телефона, не говоря уже о чужих, поэтому мне такие высоты были недоступны.

— Всё, максимум через полчаса привезут, — бодро сказала Аришка, отбрасывая мобильник в сторону, и вновь вдумчиво посмотрела на меня — так, как делала это, когда только вернулась домой. — Ты пока расскажи, что у вас с папой случилось. Только давай без обмана, хорошо? «Доширак» мне на ушах не нужен.

Без обмана...

Мне безумно хотелось, чтобы рядом с нами сейчас был Вадим. Хотя бы потому, что он точно знал, как ответить на вопрос Арины так, чтобы и не соврать, но и не сказать лишнего. Я же — не представляла.

Я боялась сделать хуже. Не себе — Арине. Опасалась ранить её своими словами. Заставить разочароваться во мне, как в матери и человеке.

Впрочем... не заслужила ли я это разочарование?

— Ариш, я совершила очень плохой поступок, — сказала я тихо. Настолько тихо, что сама почти не расслышала свой шёпот. Но дочь, кажется, расслышала — потому что замерла, поджала губы и нахмурилась. — Я виновата. Две недели назад я встретила одного человека... Я была сильно влюблена в него в юности, до того, как вышла замуж за твоего папу. Чувства вспыхнули вновь, и я решила уехать вместе с ним. Он музыкант, у него были гастроли...

У Арины было такое лицо...

Я сразу поняла: она подозревала нечто подобное, потому что нисколько не удивилась. Но безумно расстроилась. И... обиделась.

— Получается, ты решила нас бросить? — сказала, будто плетью хлестнула. А я сидела перед ней как человек без кожи — и Арина этой плетью попала мне по нервам, по незащищённому телу. Разве что кровь не брызнула во все стороны...

— Ариш, — я сипло выдохнула, — я на тот момент решила развестись с твоим папой. Я написала ему об этом и уехала. Гастроли должны были длиться пару месяцев, я планировала вернуться и сразу заняться разводом. Но...

— Ясно, — кивнула дочь. — Ты передумала, да? Поэтому вернулась раньше? И разводиться больше не хочешь?

— Да, — ответила я тяжело. Каждая фраза давалась мне с огромным трудом — я будто сваи заколачивала. И этот Аришкин взгляд... безнадежно разочарованный во мне. — Я не хочу. Я совершила ошибку, Ариш.

— Мам, мне кажется, это не ошибка, — дочь решительно помотала головой. — Ошибка — это в уравнении. Или в диктанте. Потом дома можно сесть, сделать работу над ошибками и получить другую оценку. А у тебя не ошибка! Я даже слов таких не знаю, чтобы определение дать. Если только матерные!

Мой бесконечно умный и догадливый ребёнок... Интересно, Вадим понимал, что Арина видит больше, чем мы хотели ей показать? Скорее всего, да. Вот только ему было слишком больно, чтобы объяснять Аришке всю эту ситуацию.

Мне тоже больно. Только я, в отличие от Вадима, виновата.

— И что теперь? — продолжала возмущаться Арина. — Ты собираешься мириться с папой? Или всё-таки будет развод? Если последнее, то учти: я останусь с ним!

Аришка вновь словно плетью меня хлестнула. Рассекла мышцы, разрезав их до самых костей...

Больно. Безумно больно.

— Я очень хочу помириться с Вадимом, — прошептала я. И, не выдержав, закрыла глаза... чтобы через мгновение горько разрыдаться.

— Мам! — тут же истошно завопила Аришка. Придвинулась на диване ближе ко мне и обняла. — Ну не надо плакать! Мам, ну ты чего-о-о...

Голос дочери звучал надрывно, слёзы явно подступали и к ней, поэтому я постаралась успокоиться. Перестала всхлипывать и, вытерев щёки, открыла глаза и посмотрела на Аришку.

Улыбаться я даже не пыталась. Не сейчас. Не получится у меня даже просто губы нормально растянуть...

— Прости, Ариш. Я просто в отчаянии. Папа теперь хочет развода, но я...

— Это понятно, — перебила меня дочка, лихорадочно сверкая глазами. Обнимать меня она, к моей радости, не перестала. Но смотрела по-прежнему с обидой. — Ничего другого папа и не может хотеть. Ты надеешься как-то уговорить его простить тебя? Не знаю... Мне кажется, не получится.

— Мне тоже так кажется, — призналась я с тяжёлым вздохом. — Но, Ариш... Я обязана попытаться.

— А зачем? — спросила дочь абсолютно серьёзно. И припечатала: — Ты же не любишь папу. — Мне в этот момент стало так плохо, что показалось — я от боли сейчас просто разорвусь. А Аришка продолжала, не замечая, что я даже не дышу: — Мне кажется, вам лучше развестись. Мы с ним будем жить вместе, ты станешь меня навещать, когда захочешь. Ничего страшного. Со мной в классе есть ребята, у которых родители в разводе. Правда, они с мамами живут, но я с тобой не хочу, я хочу с папой.

Господи... помоги мне... выдержать это всё...

И ведь знаю, что заслужила. Но всё равно невыносимо.

— Ариш... ты не хочешь, чтобы мы помирились? — с трудом выдохнула я и едва не застонала от облегчения, услышав в ответ почти возмущённое:

— Мам, ты чего, с ума сошла? Конечно хочу. Но я как папа — реалист! И мне кажется, это нереально. Поэтому я сразу и говорю, что ваш развод — не трагедия. Думаю, у нас с папой всё будет хорошо, и у тебя тоже.

«И я уверена, что у вас с папой всё будет хорошо, — подумала я, но вслух не высказала. — А вот у меня — очень вряд ли».

Тут раздался звонок в дверь, и Арина моментально отодвинулась, перестав меня обнимать.

— Отлично, пиццу привезли! — бодро воскликнула дочь и побежала к двери.

А я осталась сидеть, пытаюсь понять, когда умудрилась настолько отдалиться от Арины, что она даже не желала жить со мной. И не видела трагедии в нашем с Вадимом разводе.

А может, на самом деле и видела — просто пыталась меня так своеобразно утешить? Думаю, что Вадим бы точно это определил.

А я вот — не могла.

22

Лида

После того как доставили пиццу, мы с Ариной больше не разговаривали о нашем разводе с Вадимом. Это было решение дочери — не моё. Я, может, и хотела бы ещё поговорить, попросить совета — хотя, наверное, глупо просить совета в такой ситуации у ребёнка, но Арина во многом была взрослее меня — и поплакаться, но дочка не захотела. Она отсекала первую же мою попытку возобновить разговор, сказав, что больше не желает обсуждать это, и заговорила о своих школьных делах.

Я понимала, почему Аришка так сделала, и не обижалась на неё. Всё же ей было неприятно и больно то, что она от меня услышала. Кроме того, скорее всего, дочка думала, что больше не услышит от меня ничего важного — и в принципе это было правдой. Всё самое главное я сказала, добавить толком было нечего — только если прощения попросить. Я уже пыталась накануне извиниться перед Вадимом, но он ничего слушать не захотел. А Аришка?..

Я долго набиралась смелости. Мы доели пиццу, потом переместились в гостиную и посмотрели новый полнометражный мультфильм. Затем Аришка захотела попить чаю, сказав, что ужинать не будет — пицца ещё не переварилась, — а я всё никак не могла решиться.

И только когда дочка поднялась из-за стола, намереваясь пойти в свою комнату, чтобы начать готовиться ко сну, я будто очнулась и, вскочив следом, быстро проговорила:

— Ариш, прости меня, пожалуйста! Я так жалею...

Я запнулась, когда она посмотрела на меня в ответ крайне недовольным взглядом, вздохнула и произнесла почти по слогам:

— Мам, я тебя не понимаю. Папа говорит: для того, чтобы простить, нужно понять, а я не врубаюсь. Тебе настолько плохо с нами было, что ты решила убежать? Да? Так?

Я закусила губу, пытаясь не разрыдаться.

— Нет, Ариш, не так. Это было... какое-то временное помутнение. Я когда-то очень любила того парня, видимо, не перегорело. И я плохо подумала, к чему может привести мой поступок. Пожалуйста, прости! Я больше так не буду.

Арина закатила глаза.

— Мам, ну ты как в детском саду! Ты только папе такого не говори.

— Что именно? — От душевной боли я плохо соображала.

— «Я больше так не буду», — процитировала меня Аришка с явным осуждением. — Это для дошкольников оправдание. Но ты же взрослый человек, мам!

— Что тогда я должна сказать папе... — пробормотала я, прикрывая глаза. Жутко тошнило. — Как думаешь, Ариш? Подскажи мне...

— Не знаю, — буркнула дочь. — Не уверена, что слова помогут. По крайней мере, мне легче не стало от твоего «прости». Ты же не на ногу мне случайно наступила! Как ты вообще могла захотеть меня бросить?!

В голосе Арины было столько праведного детского возмущения, что я уже открыла рот, желая оправдаться, — но захлопнула его, когда дочь припечатала:

— Папа никогда бы так не сделал!

Да. Это точно. Вадим ни за что не уехал бы от Арины. Можно было бы утешать себя тем, что он никогда и никого не любил так, как я любила Ромку, — но я слишком хорошо знала, что это неправда.

Аришку он любил больше всех на свете.

— Ты права, папа не сделал бы так. А я... Ариш, можешь просто поверить мне? Единственный раз. Я клянусь, что очень люблю тебя и никогда больше не предаю. Просто поверь... один раз. Только один раз! Пожалуйста...

Я открыла глаза и посмотрела на серьёзную дочку.

Возможно, будь Арина чуть старше, я бы столкнулась с более решительным и однозначным сопротивлением, граничащим с ненавистью. Но Аришке было всего лишь десять лет... поэтому она молча сделала шаг вперёд и обняла меня.

— Ладно, мам. Один раз я тебе поверю. — И прошептала почти неслышно: — Не хочу, чтобы ты плакала...

Увы, но я знала, что теперь буду плакать очень долго.

23

Лида

Аришка давно легла спать, а я всё сидела на кухне и думала. Не пила ни чай, ни кофе, не ела — просто сидела и... да, ждала Вадима.

Я знала, что он придёт поздно. После этих ежемесячных посиделок с друзьями он всегда приходил поздно, около двух часов ночи. Но на следующий день бодро вскакивал около семи — а не в шесть, как обычно, — и шёл на пробежку. Он вообще никогда не пропускал возможность пробежаться по утрам — только если болел, но болел Вадим редко.

Я не знала, зачем его жду. Но понимала, что мне жизненно необходимо его увидеть. Желание просто увидеть мужа кололо меня в сердце тупой иглой, и я замирала от каждого шороха, доносящегося с лестничной площадки. Точнее, мне скорее казалось, что я слышу какие-то звуки — у нас здесь была всё же слишком хорошая звукоизоляция.

Несмотря на весь кошмар сложившейся ситуации, мне было, чему порадоваться в эти молчаливые мгновения на кухне, заполненной ночной темнотой.

Ещё накануне, возвращаясь к Вадиму и Арине, я не была уверена, что не забеременела от Ромки за эти две недели. Я панически боялась, что всё-таки умудрилась «принести в подоле», и понимала, что для Вадима это будет чересчур. Поэтому... да, я абсолютно точно знала: если беременность подтвердится, я сделаю аборт. Совершенно аморальный поступок с моей точки зрения, но... я и так упала максимально низко, ниже уже невозможно. И сейчас мне было важнее вернуть Вадима, чем второй раз в жизни рожать от Ромки. Я понимала, что шанс добиться прощения невелик, но он хотя бы есть. А если я окажусь беременной — он растает как первый снег.

Но вечером, сразу после разговора с Ариной, у меня хлынули месячные. На пару суток раньше срока. И я обрадовалась им как ребёнок новогоднему подарку.

Не беременна. Какое счастье!

Несколько лет назад Вадим осторожно завёл со мной разговор о втором ребёнке. Спросил, что я думаю об ЭКО и не хочу ли попробовать подарить Аришке сестрёнку или братишку. Я тогда улыбнулась и ответила, что у меня нет никакого желания ещё раз проходить через беременность и роды. Одно дело, если бы этот ребёнок действительно был от Вадима, — тогда конечно, — но ведь сперма-то будет донорская.

Муж кивнул и больше к этому вопросу не возвращался.

Теперь же ради того, чтобы остаться с Вадимом, я была готова родить ему ещё хоть целый выводок детей. Сколько угодно! Один, двое, трое, пятеро... Я всё выдержу. Лишь бы простили...

Входная дверь с тихим шорохом открылась в полтретьего ночи, и я, уже почти уснувшая на кухонном диване, выпрямилась, напряжённо вглядываясь в дверной проём. Я точно знала, что Вадим, после того как снимет куртку и ботинки, пройдёт на кухню — помыть руки и выпить воды. И только потом отправится в ванную. Всю свою одежду после посиделок он всегда засовывал в корзину для белья — мужу не нравился запах табака, который он неизбежно приносил на себе, возвращаясь от друзей. Поэтому он сразу всё безжалостно стирал.

А мне вот всегда нравилось, как Вадим пахнет после того, как несколько часов курил сигары. Запах был совсем не похожий на сигаретный дым, и я иногда, дождавшись Вадима, первым делом шла обниматься, чтобы вдохнуть аромат, исходящий от его пиджака и рубашки, полной грудью.

— Лида, перестань, — смеялся муж. — Ты когда после моей пробежки так делаешь, ещё куда ни шло. Но сейчас от меня воняет как от прожжённого курильщика, к тому же пьяного.

— Ничего подобного, — возражала я и вновь глубоко вдыхала. Пьяного! Тонкий запах элитного алкоголя — это у Вадима называлось «пьяный». От трезвого он в такие ночи мало чем отличался. Если только сексом занимался немного резче и быстрее, но мне так даже больше нравилось...

Меня будто обожгло одновременно и жаром желания, и стыдом — и я сжалась на кухонном диване, неожиданно настолько струсив, что понадеялась — сейчас Вадим просто пройдёт мимо.

Но он, конечно, не прошёл.

— Лида? — шепнул муж, останавливаясь возле стола со стаканом в руке. Вода в нём серебрилась, поймав в свой плен отблеск фонарей за окном. — Ты почему не спишь?

Я сглотнула. Как же страшно и стыдно, боже...

— Тебя жду...

— Зря. Я очень хочу спать. Если ты хотела что-то обсудить, то лучше завтра.

— Вадим... — Я набрала воздуха в грудь, понимая, что необходимо признаться. — Я рассказала Аришке правду...

Я не видела его лица, но была уверена, что Вадим нахмурился.

— Правду? — Муж поставил стакан на стол, так и не отпив из него. — Какую правду, Лида?

— Просто правду. Я сказала Аришке, что бросила вас ради другого мужчины.

Вадим помолчал, будто пытался осмыслить.

— Зачем?

— Ну... надо же мне когда-нибудь учиться отвечать за свои поступки...

— Не обязательно учиться на нашей дочери, — холодно сказал муж. — Лида... неужели так сложно было оградить Арину от этой грязи? Чего ты этим хотела добиться?

— Ничего. Просто она спросила, где меня носило две недели, и я не смогла соврать.

Вадим тяжело вздохнул.

— Как она отреагировала?

— Аришка... — я запнулась, подбирая слова. — Конечно, она обиделась на меня. Сказала, что в случае развода будет жить с тобой. — Судя по резкому шипящему выдоху Вадима, он обрадовался. Что ж, я его понимала. — А ещё... Я попросила у неё прощения и... второй шанс.

— Что? — на этот раз муж удивился. — Какой шанс?

— Я попросила Аришку поверить мне, — сказала я горячо и почти отчаянно, но тихо — боялась, что дочь услышит и проснётся. — Один-единственный раз. Поверить, что я люблю её и больше никогда не предаю. И она ответила, что сделает это. Только один раз, да, но мне достаточно. Вадим...

— Ни слова больше, — перебил меня муж, делая шаг назад, от стола. И я, неожиданно ощутив уязвимость в его голосе, скользнула следом, встала с дивана и шагнула вперёд, к Вадиму. — Лида, не надо меня...

Он хотел сказать «трогать». Я знаю.

Но я решила, что не стану слушаться.

Потому что это был мой шанс. Сейчас, когда Вадим расслаблен из-за алкоголя и сигар, сейчас, когда он удивлён моим поступком и ответом Аришки, сейчас... когда я так хочу его обнять, боже мой!..

И я сделала это — обняла его, обвив руками шею, прижалась, ощущая, как ноздри наполняет знакомый и до безумия приятный аромат его посиделок с друзьями, и прошептала, потянувшись за поцелуем, которого желала в этот момент сильнее всего на свете:

— Вадим, пожалуйста, поверь мне один-единственный раз... Прости и поверь... И, клянусь, я никогда в жизни больше не предаю тебя... Пожалуйста! Один только раз!

Его тело не отзывалось — и осознание этого факта почти убивало меня. Я хорошо помнила, каким бывает Вадим, когда возбуждается в ответ на мои прикосновения, — и вот сейчас всё было иначе.

Он словно застыл, как мраморная статуя. Ледяная колонна, которой безразлично, что к ней прижимается любящая и горячая женщина.

— Лида, отпусти меня. Не нужно.

— Вадим... — Я всё ещё не хотела признавать, что у меня ничего не получилось.

Как же так? Ведь Вадим всегда хотел меня. Теперь я настолько ему отвратительна?..

— Не нужно, — повторил он с такой усталостью, что у меня в буквальном смысле опустились руки. Я перестала обнимать его, но далеко не отошла, продолжая стоять рядом. Всё на что-то надеялась. — Лида, Аришка — ребёнок. И ты её мама. А я — взрослый мужик, которого ты кинула, написав дурацкое сообщение в мессенджер, и улетела со своим саксофонистом. Ты мне неприятна. Мне мерзко даже думать о том, чем ты с ним занималась эти две недели.

Я нервно передёрнула плечами. Очень хотелось сказать, что мне и самой мерзко, но... это сделало бы только хуже.

— Аришка молодец, я не спорю. Она сможет со временем отпустить эту ситуацию, особенно когда окончательно поймёт, что дело не в нас, а в тебе. Это тебе все эти одиннадцать лет всё время чего-то не хватало. Я чувствовал.

Мне нечего было сказать в своё оправдание — Вадим был прав.

Я действительно воспринимала наш с ним брак как тюрьму, в которую сама себя посадила. И все его попытки исправить моё отношение рассыпались прахом — потому что я убедилась в том, что являюсь всего лишь вещью Вадима. И не видела ничего вокруг.

Бывают розовые очки — а у меня, кажется, были чёрные.

— Вадим... — прошептала я, непроизвольно начав плакать, но он покачал головой и вновь отошёл в сторону.

— Не нужно, Лида. Я не смогу тебя простить. Давай просто разведёмся. И... раз Аришка теперь в курсе... это можно сделать гораздо быстрее.

Сказав это, Вадим стремительно вышел с кухни.

А я осталась стоять, ощущая себя так, будто он пронзил моё тело острым мечом. И теперь мне ничего не оставалось, как просто упасть на колени и по-тихому умереть.

24

Вадим

Будильник разбудил меня на час позже обычного.

Новый диван оказался чудовищным. Я думал, привыкну, но нет. Скорее всего, если бы я не занимался спортом, каждое утро просыпался бы в таком состоянии, будто меня всю ночь били палками.

Вообще могу выразить искреннюю благодарность за тело, которым мне посчастливилось обладать. Несмотря на испытания в прошлом, сейчас жизнь словно выплачивала компенсацию за предоставленные неудобства.

Мне сорок пять, но мой организм до сих пор почти безупречен, как швейцарские часы.

У меня никогда не было головных болей, депрессии, не прихватывало спину, не болели колени, и даже, прости господи, член ни разу не давал осечки и действовал всегда строго по уставу. Более того: я до сих пор не совсем понимаю, что имеют в виду люди, когда говорят, что у них похмелье. Как это ощущается? На словах понимаю, на практике — нет.

Мои друзья-ровесники таким похвастаться не могут. Как-то раз после Третьей Пятницы мы не разъехались, а остались на ночёвку у Виктора. Утром всех дружно затошнило. Сашка ещё тогда пошутил, что это интоксикация, но не от алкоголя, а от моего отвратительно бодрого вида.

Умываясь перед зеркалом, обратил внимание, что даже мешков под глазами нет. Чудеса, да и только.

Выйдя из ванной, я быстро надел утеплённый спортивный костюм и вышел на пробежку в пустынный утренний город выходного дня.

Суббота обещала быть солнечной — небо было ясным, и намёки на рассветное зарево уже виднелись между домами вдалеке. Но температура воздуха тем не менее была ноябрьской, за ночь опустившись почти до нуля. Существенно облысевшие деревья всю готовились к зиме, а утренние лужи покрылись хрупким слоем льда.

Так уж получилось, что во время пробежки я много думал про Лиду, точнее, про наш вчерашний разговор. В основном просто прокручивал в голове, что говорила она, что отвечал я. И в очередной раз понял: внутри ничего не изменилось. Моя решимость не пошатнулась. Разве что... Возможно, мне даже стало немного легче, потому что своим объяснением с Аришей Лида ускорила процесс нашего окончательного расставания. Теперь всё закончится быстрее, чем я думал. Ну и хорошо.

И да — конечно же, я был бесконечно счастлив, что Арина сразу, не задумавшись, выбрала меня.

Остальное не настолько важно.

В парке не встретил ни одного человека. Пробежав три круга, довольный и потный направился к дому. Время до сих пор было раннее, поэтому я надеялся, что успею посидеть в тишине, почитать книгу или пройтись по планам на день, пока все спят.

Последние сто метров, оставшиеся до подъезда, пробежал с ускорением и, тяжело дыша, зашёл внутрь. Лифт ждать не пришлось. Радуюсь, что поеду один, потому что в таком неприглядном виде не хотелось бы никому показываться, я зашёл в кабинку, но тут в закрывающиеся двери заскочила девушка лет двадцати. Я поздоровался, она кивнула в ответ и беззвучно пошевелила губами. Судя по усталому виду и кругам под глазами, работала где-то в ночную смену.

Получилась какая-то неожиданная, я бы даже сказал, непрошенная интимность.

Я, вспотевший и тяжело дышащий, словно сексом только что занимался, еду в маленьком лифте с молоденькой девушкой, оба не смотрим друг другу в глаза, будто любовники, пожалевшие о содеянном.

Но всё это было лишь в моей голове. Спутница, скорее всего, думала только об одном — быстрее бы лечь спать.

Попрощавшись, я вышел на своём этаже и уже собирался идти дальше к квартире, как вдруг услышал в ответ странное и неожиданное:

— Чао-какао!

Я обернулся. Двери лифта уже почти закрылись, но я успел увидеть, как девушка мне ещё и подмигнула.

А может, показалось?

Наверное, у меня просто давно не было секса. Хотя, если честно, я этого даже не заметил. На стрессе от Лидино предательства у меня случился ментальный целибат. Даже мыслей о сексе не возникало. Но после того, как Лида вернулась и мы всё обсудили, демоны похоти вновь заняли прежние места.

То ли ещё будет...

Зайдя в квартиру, я разулся и снял потную футболку, покосившись на отражение в огромном зеркале, что висело у нас в коридоре.

Да, я стал чаще оценивать себя со стороны. Будто бы начал готовиться к новому этапу в жизни и оценивал свои шансы.

К слову сказать, я никогда не был нарциссом, несмотря на то, что поводов было хоть отбавляй.

Последние одиннадцать лет я не отвечал никаким женщинам взаимностью, оставаясь радикально верным Лиде, но мне тем не менее льстило, что и седина в висках, и некоторые морщины, навсегда поселившиеся на моём лице, совсем не влияют на мою привлекательность для противоположного пола. Более того, диапазон женщин, которым я интересен, с годами лишь расширился. Я нравился не только ровесницам, но и молодым девушкам. Порой даже очень молодым, вон как наша новая уборщица Оля.

Да, это было приятно, хотя, пока я был с Лидой, и не являлось для меня по-настоящему важным. Я всегда считал, что нет никакого благородства в верности своей женщине при отсутствии интереса со стороны других женщин.

Лида изменила мне. И, наверное, я должен был засомневаться в том, что в моей верности был смысл. Но я не считал так по множеству причин. Мне как минимум не стыдно смотреть на себя в зеркало, я ведь не повёл себя как дерьмо. Но главное, что мне не пришлось проводить с дочкой настолько унижительный разговор, как был вчера у Лиды.

Я бы лучше сквозь землю провалился, чем оказался в ситуации, когда должен сказать Аришке: «Прости, я тебя предал...» Или что там Лида говорила, не знаю.

Нет уж. Никакие плотские радости, никакой секс, даже самый обалденный, этого не стоят.

Я вставил в уши беспроводные водоотталкивающие наушники, которые подарила мне Лида два года назад, и включил вступление из оперы «Травиата». Хорошо, что не «Отелло», а то кто знает, на что способна сила искусства...

Да, бегать под музыку — не моё. Голова хуже прочищается. Но вот принимать утренний душ, слушая джаз или что-нибудь классическое, — это удовольствие, которое у меня никто не отнимет.

В предбаннике ванной комнаты, тихо напевая мелодию из наушников, я снял штаны с трусами, носки, бросил их в корзину для грязного белья и, открыв дверь, голый шагнул внутрь...

В ванной комнате оказалась Лида.

Вздрыгнув, она резко повернулась ко мне и выронила на пол полотенце, которым вытирала грудь.

25

Вадим

Мы оба замерли на мгновение. Всё-таки не видели друг друга обнажёнными уже... А сколько? Я не помнил. Две недели Лида «гастролировала». А до этого сторонилась меня под всякими предлогами. Я уже стал забывать, какая она...

Я машинально прикрыл свои гениталии, как если бы встретил чужого человека, и отвернулся, стараясь не смотреть на жену.

— Извини... Я думал, тут нет никого. Совсем рано ведь, — сказал я, вытащив наушник из одного уха.

— Да ничего, я уже всё, — виновато пробормотала Лида и попыталась спешно прикрыться поднятым полотенцем.

Её растерянное лицо явно не было лицом человека, который подстроил эту сцену специально. Впрочем, я в этом и не сомневался — среди недостатков жены хитрость не значилась, а уж хитрожопость тем более.

— Ладно. Тогда выйди, пожалуйста, — сухо произнёс я.

— Да, сейчас...

Я отошёл в сторону, давая Лиде пройти, и, вернув наушник на место, забрался в душевую кабину. Включил воду и постарался отвлечься на музыку и ощущения от горячих струй, что постепенно расслабляли напряжённые после спорта мышцы. Однако из головы не выходила обнажённая Лида и её виноватый взгляд. Я вспоминал, как любил её все эти годы. Как восхищался и тянулся к её телу, что чувствовал, целуя её соски, вспоминал, каково это — быть в ней... Да уж, если не отогнать подобные мысли, то эрекции не избежать. Я обернулся, почему-то решив проверить, в одиночестве ли нахожусь в ванной комнате, хотя и так ясно было, что в одиночестве...

А, нет.

Чёрт...

Лида не ушла. Стояла возле душевой кабинки, завернувшись в полотенце, и, дрожа всем телом, будто ей было холодно, смотрела на меня очень грустными и в то же время испуганными глазами.

Я открыл дверь кабинки, снова вытащил наушник и недовольно развёл руками в стороны:

— Я же просил выйти?

— Да, знаю... — Лида сглотнула. Голос её звучал глухо и сипло, а в глазах всё сильнее разгорался страх. Хотя и не только он — Лида выглядела как человек, который мечтает о еде, но вместо жареного стейка перед ним находится живой бык, который и лягнуть может, и проткнуть рогами. А рога в моём случае, полагаю, были на редкость ветвистыми. — Я не смогла...

— А ты постарайся! — Я был уже сильно раздражён: мало мне всех этих мыслей, так ещё и помывться не даёт! — Выйди отсюда!

— Да, я выйду, конечно. Но сначала всё-таки скажу кое-что, — прошептала Лида неуверенно, но тут же замолчала, продолжая стоять на месте и таращиться на меня настолько перепуганно, что я невольно слегка смягчился к ней. У меня всегда плохо получалось злиться на Лиду, а уж злиться, когда она так смотрит, и вовсе невозможно.

— Потом скажешь, — проговорил я уже менее агрессивно. — Я моюсь! Не видишь? — я снова развёл руками, не скрывая своей наготы.

Скорее всего, тот факт, что я не стал вновь огрызаться и выталкивать её из ванной, позволил Лиде наконец принять окончательное решение.

И слегка обнаглеть.

— Вижу, — жена нервно улыбнулась и шагнула ко мне. А затем, пока я охреневал от её поступка, выключила воду и встала к стене напротив. Как в лифте...

— Лида, просто уйди на хрен! — прошипел я раздражённо. — Меня всё это бесит уже!

— Я знаю. И даже понимаю почему.

Лида смотрела исподлобья. Очень пристальный взгляд, непривычный для меня. Потому что крайне редко между нами бывало так, чтобы она понимала что-то обо мне, чего не понимал я. Выяснилось, что это как раз тот случай.

— Капитан Очевидность! — усмехнулся я. — Я бешусь, потому что ты меня бесишь! Не порть мне утро и выйди уже отсюда к чёрту!

Я подошёл чуть ближе и попытался немного подтолкнуть Лиду за плечо, но она не сдвинулась. Лишь положила тёплую ладонь поверх моей руки и ещё сильнее прижала её к себе, глядя на меня с отчаянием человека, который решил рискнуть и поймать разъярённого быка голыми руками.

Как давно я не прикасался к женскому телу...

Вчера ночью, во время разговора с Лидой, я был холоден и совсем не почувствовал радости от её прикосновений. Но сейчас всё было иначе.

Внутри меня словно боролись две стихии. Одной была по-прежнему противна Лида, ведь я осознавал, что моя жена делала со своим грёбаным музыкантом совсем недавно. Но другая стихия усиленно напоминала мне о той страсти, с которой мы занимались любовью все годы супружества. Я чувствовал, что моё дыхание изменилось. На меня волнами накатывало возбуждение, и отрицать это было уже невозможно. Да и совсем скоро всё станет очевидным.

Я поморщился и попробовал мысленно погасить нарастающее желание, чтобы не выдать себя. Не хотел, чтобы Лида заметила.

26

Вадим

— Вадим... — прошептала Лида, пока я представлял, как прыгаю с головой в прорубь. В реальности точно сработало бы, но фантазия — это не реальность, поэтому пока не получалось. — Да, я знаю, что бешу тебя... Но сейчас ты раздражён не из-за меня. Я всё-таки твоя жена...

— Почти бывшая, — уточнил я, открывая глаза. Всё равно с прорубью ничего не выходит. Будем разбираться так.

Лида, услышав моё уточнение, резко выдохнула и болезненно улыбнулась.

— Да, почти бывшая, но пока ещё жена... И я знаю, помню, что ты становишься таким раздражённым, если у тебя долго нет секса.

Я тут же сдёрнул руку с её плеча.

— Я к тебе не притронусь. Лида, иди уже... прошу, — почти мирно сказал я, пытаюсь быть спокойным. Значит, вот на что рассчитывала Лида, залезая ко мне под душ!

— Вадим... — Её глаза были умоляющими. — Я не пытаюсь тебя вернуть таким образом, честно! Я просто хочу тебе, э-э-э... помочь, хотя бы немного порадовать....

— Уже порадовала...

— Вадим! — воскликнула жена, дрожа с ног до головы, как будто мы не в тёплой душевой кабине стояли, а на морозе. — Просто снимешь напряжение... Ничего плохого от этого не будет...

Лида чуть шире расставила ноги. Движение было еле заметным, но очень эффективным.

Раньше я и не подозревал, что можно одновременно чувствовать и сильное отторжение, и невероятное притяжение по отношению к одной и той же женщине.

— Уходи, Лида! — процедил я, всё ещё борясь с собой. Злость, возбуждение, безразличность — все эти чувства нападали на меня друг за другом, словно катком по телу проехали. — И напряжение пройдёт!

— Не пройдёт. Я понимаю, ты злишься...

С этим я не мог спорить.

Лида смотрела всё так же исподлбья, и с прежним отчаянием. Однако теперь к нему примешивалось ещё и возбуждение. Словно она и страшилась того, что я могу с ней сделать, и желала этого больше всего на свете. Не удивлюсь, если Лида в этот момент даже представляла что-то... не совсем приличное.

Как и я.

— Ты можешь... — прошептала она очень тихо, но с таким чувством, что меня в жар бросило. — Сделать, что захочешь...

Пока Лида говорила всё это, она продолжала дрожать, как и раньше, но я был уверен — не только от страха. Она была возбуждена, а это всегда опьяняюще действовало на меня.

Наверное, она уже влажная...

— Вадим... Я не прошу ничего взамен. Я вижу, что ты раздражён и тебе нужна помощь. Поэтому предлагаю... просто немного расслабиться...

Коварной соблазнительницы из Лиды не получалось — всё же для этого ей не хватало данных, причём врождённых. Котёнок не может стать змеей, даже если очень постарается.

Но она старалась! Старалась — ради меня. Точнее, ради себя и своего комфорта, но всё равно. Я так отвык от того, что Лида старается что-то сделать ради меня, что не смог убрать её руку, когда она взяла меня за член и нежно сжала его.

— Вадим... — Лида почти застонала, облизывая губы. Не порочно — скорее, беспомощно и незащитно. И очень, ну просто очень возбуждающе. — Пожалуйста... сделай что-нибудь... не стой просто так...

Мужчин часто обзывают животными.

Я думаю, что в этом утверждении есть правда. Нас действительно многое роднит с дикими зверями. Но всё же существует чёткая граница, определяющая разницу между нами.

— Сними полотенце и встань на колени, — неожиданно приказал я.

Лида повиновалась, не задумываясь.

Да, мужчина может контролировать животное внутри себя.

Мне не стыдно, что, когда я увидел Лиду голой и стоящей передо мной на коленях, животное во мне возбудилось и действительно захотело воспользоваться ситуацией.

— Убери руки за спину и открой рот, — строго продолжил я, и Лида, отпустив мой член, выполнила приказ.

Но я не животное, я — человек. И мне пришлось усмирить внутреннего зверя, как я делал это в течение всей своей половозрелой жизни.

Лида смотрела на меня широко раскрытыми глазами, в которых яркой вспышкой мелькнуло нечто, слишком для меня болезненное. Надежда?

— Закрой глаза.

Закрыла.

Я бесшумно взял лейку душа и, направив её на Лиду, резко включил холодную воду на полную мощность.

Визг был оглушительный. Лида, попытавшись закрыться от безжалостных ледяных струй руками, покачнулась и плюхнулась на бок. Визг сменился рыданием.

Я выключил воду и, глядя на Лиду сверху вниз, произнёс с укоризной:

— В тебе нет ни капли уважения! Ни к себе, ни ко мне... — Она продолжала плакать — правда, теперь почти неслышно, — и мне всё же стало её жаль. Я протянул руку и невесомо погладил её по мокрым волосам, продолжая говорить: — Иначе тебе и в голову не пришло бы, что я воспользуюсь тобой вот так. Я вчера всё сказал, за ночь ничего не изменилось. Я не смогу тебя простить. Ты мне не нужна, и от тебя мне тоже ничего не нужно. Ты мне противна, Лида. Точка. А сейчас выйди, пожалуйста. Я хочу нормально помыться.

Лида встала кое-как — будто бы у неё на спине висел огромный рюкзак с битым стеклом. Её тело дрожало от холода, и, чёрт побери, выглядела она жалко.

Я поднял со дна мокрое полотенце и вложил в её трясущиеся руки. Лида вылезла из душевой кабины, кинула полотенце в корзину для белья, взяла другое, закуталась в него, не вытираясь, и уже собралась выходить, когда я окликнул её:

— Лида! — Она оглянулась, вновь посмотрев с той же болезненной надеждой, от которой меня в очередной раз передёрнуло. Ждёт извинений за внеплановый душ? Зря. В это утро я буду беспощаден. — Нам не следует затягивать с делами. Нужно побыстрее всё закончить. Так будет лучше для всех. Бумаги для развода я подготовлю, а ты пока напиши к понедельнику заявление «по собственному желанию». Ценным работником тебя уже давно не называть...

Лида не шевелилась. Стояла как вкопанная и слушала, как я забиваю гвозди в её надежду.

— ...а нам надо перелистнуть и эту рабочую страницу. И лучше поскорее. Первое время я помогу с финансами, пока будешь искать работу. Жить тебе есть где, не пропадёшь. Я настрою ежемесячный платёж на твою карту...

Лида отрицательно покачала головой, прервав мой поток информации.

— Не надо, — сказала она хрипло и ушла прочь.

Я не поверил, но умолчал об этом.

Она — мать Ариши. И я буду заботиться о том, чтобы она хотя бы не голодала. Такое уж у меня бремя.

Я вернул второй наушник на место и продолжил слушать «Травиату» Верди.
Восхитительная всё-таки музыка.

27

Вадим

После того как измена Лиды перестала быть секретом для Арины, необходимость изображать полноценную семью совсем пропала, и я с трудом мог представить, насколько неловко будет завтракать всем вместе за одним столом. А учитывая сцену в душе, мне и вовсе захотелось уйти из дома побыстрее.

Дел у меня и так было много, но теперь к ним добавился ещё и завтрак в кафе, поэтому я спешно оделся и перед тем, как уйти из квартиры, заглянул на кухню.

Лида стояла у столешницы спиной ко мне и что-то готовила.

— На меня не готовь. Я ухожу, — сухо сказал я.

Лида вздрогнула, вжав голову в плечи, но промолчала и даже не повернулась, хотя явно услышала, что я сказал.

Что-то кольнуло у меня в груди.

Ей-богу, я не хотел быть с ней жестоким и мстить каким-либо образом. Но и манипулировать собой я не позволю. И ложных надежд давать не намерен.

На самом деле, нам было бы лучше вообще не пересекаться настолько, насколько это возможно в текущей ситуации. Хотя бы первое время.

И я ушёл.

В кафе взял «английский завтрак» — яичницу с бобами, беконом и сосиской, хашбрауном и жареными овощами с грибами. Добавил ко всему этому кофе и понял, что до обеда точно уже ничего не захочу.

Затем поехал в автосервис, заменить масло и другие расходники.

Арина к этому времени уже должна была проснуться. Я написал ей: «Доброе утро! Перед тем как уедешь к стоматологу, выйди минут на десять пораньше, я во дворе буду ждать, хорошо? Надо поговорить вдвоём».

Чуть погодя получил ответ: «Угу-угу», и смешную картинку сонной совы.

Пока чинили машину, я сел на диван в холле рядом с администратором, достал мобильный телефон и в очередной раз порадовался побочному эффекту от своей работы.

За столько лет взаимодействия с самыми разными людьми я оброс немислимим количеством контактов. Поначалу это выходило случайно: когда работаешь добросовестно, то люди и сами хотят оставаться с тобой на связи.

У подобного выстраивания личных контактов даже есть специальное модное название — нетворкинг. Видел на эту тему книжки на полках магазинов.

Не читал, но практикую.

Со временем, когда людей в моей телефонной книге стало слишком много, я решил сделать таблицу в «экселе» для хранения и систематизации всех контактов.

Если бы её кто-нибудь увидел, то подумал бы, что я циничный ублюдок, относящийся к людям как к товару, которым можно по необходимости пользоваться. Но я бы сказал наоборот: если ценишь людей и не относишься к ним как к одноразовой пластиковой посуде, то стараешься никого из них не забывать любыми способами, даже такими внешне бездушными, как моя таблица.

Нашёл в списке владельца турагентства, которому мы делали офис пару лет назад. Позволил ему узнать, есть ли какие-нибудь интересные варианты на новогодние каникулы. Он сказал, что я поздно спохватился, уже и авиабилеты трудно достать, да и с бронированием отеля будут проблемы. Но обещал поручить одному из своих сотрудников задачу найти для меня

что-нибудь, потому что «интерьером офиса постоянно восхищаются клиенты» и он будет рад меня отблагодарить.

Ну вот, даже об услуге просить не пришлось. «Сами всё предложат, сами всё дадут», как говорил один небезызвестный персонаж.

Затем я позвонил юристу, с которым давно сотрудничала моя студия, и попросил его поделиться контактом коллеги по бракоразводным процессам. Мы дружили, но он в первую очередь профессионал, поэтому и не стал спрашивать, для кого я прошу эту информацию. Молодец, хвалю.

Сказал, что скинет номер ближе к обеду.

После этого разговора я сделал пару рутинных звонков, а затем настало время забирать машину и возвращаться к дому, на встречу с Ариной.

Когда дочка вышла из подъезда, я сидел на скамейке детской площадки и ждал её. Утро уже не было настолько морозным, в воздухе разливалась приятная свежесть. Если не знать, что на дворе ноябрь, можно легко перепутать с апрелем.

Ариша вприпрыжку побежала к скамейке, на которой я сидел. Дочка так сильно подпрыгивала, что выбивающаяся из-под шапки светлая косичка взметалась выше её головы.

— Привет, дочь, — сказал я и улыбнулся, когда Арина остановилась возле лавочки.

— Привет, пап! Ты смешно смотришься один на детской площадке.

— И это ты ещё не видела, как я катался тут с горки, пока тебя ждал...

— Да ладно?! Не верю!

— И правильно не веришь.

Она хихикнула и села рядом, крепко обняв меня. Именно в этот момент я с облегчением осознал, что она совсем не сердится на меня за то, что я не рассказал ей про измену Лиды. После ночного разговора с женой я не был в этом уверен, но сейчас всё стало очевидным. И в какой-то степени разговор, который я хотел провести, потерял смысл. Однако поговорить нам было нужно, ведь я не знал, о чём думает дочь после Лидиных признаний, а домысливать за других — это капкан, в который люди постоянно попадают, выстраивая друг с другом отношения.

— Папа, о чём ты хотел поговорить? — спросила Арина и, не дав мне ответить, опасливо уточнила: — О маминой... измене?

Как же больно это звучит из уст десятилетнего ребёнка. Видит бог, я хотел оградить её от всего этого... Но не вышло.

— Да, Ариша, — кивнул я и погладил дочь по спине подбадривающим жестом. — Можно и так сказать. Мама рассказала мне о вашем разговоре. И я хотел извиниться перед тобой. Прости меня, Ариш. Мне очень жаль, что это происходит в нашей жизни... Я старался этого не допустить, но...

Арина обняла меня ещё крепче и перебила, горячо прошептав:

— Пап, не надо. Не извиняйся. Я всё понимаю!

Так странно быть уверенным, что это действительно так. Дочь у меня и вправду мудрая не по годам. Надо напоминать себе об этом почаще и вести себя с ней соответствующе.

Я поцеловал Аришку в макушку.

— И в кого ты такая умная...

— Не такая уж я и умная, — грустно вздохнула дочка. — Вчерашний урок по математике вообще не поняла.

— Умная! Даже не представляешь насколько. И зря я пытался от тебя скрыть произошедшее. Не было в этом смысла.

— Ты хотел как лучше...

Меня вдруг напугали её слова. Нет, не слова, а интонация. Что же мой ребёнок пережил за эти две недели, что уже может настолько спокойно говорить о крахе нашей семьи? Во всяком случае, внешне спокойно. Надо бы мне больше проводить времени с Аришкой, чтобы она чувствовала: как минимум одна железобетонная опора у неё точно есть.

— Да. Я хотел как лучше. И я тебе обещаю сделать всё, чтобы наш с твоей мамой...

— Развод? — перебила меня дочь.

— Да, развод. Я постараюсь сделать так, чтобы он тебе не навредил... Насколько это возможно. Понимаешь?

— Понимаю. А мама сказала, что я останусь с тобой?

— Да! И... — Я часто-часто заморгал, потому что глаза увлажнились. Я, конечно, железобетонная опора для Арины, в этом нет сомнений. Но и у меня есть чувства. — Спасибо. Я не подведу, обещаю.

— Знаю, пап. Но вообще у меня не было выбора. Я же не хочу умереть от голода, оставшись с мамой.

Арина посмотрела на меня с абсолютно серьёзной миной на лице.

— Что?!

— Я шучу, пап!

Мы оба засмеялись. Никак не могу привыкнуть к этому взрослому юмору Арины, который стал проявляться у неё в последний год.

То ли ещё будет...

В этот момент Лида прислала Арине сообщение: «Через две минуты выйду».

Мы, не сговариваясь, поднялись со скамейки. Дочка явно тоже не хотела, чтобы я лишний раз встречался с её мамой. Видимо, догадывалась, что утром между нами что-то произошло. А может, и слышала Лидин визг, когда я устроил ей шоковую терапию холодной водой.

— Пап, ты куда сейчас?

— Заберу вещи из машины и пойду домой, кое-какими делами позанимаюсь. Потом опять уеду. А вечером я в оперу. Ты почему-то отказалась со мной пойти... Совсем не догадываюсь почему, — саркастично заметил я и получил соответствующий ответ:

— Выспаться я и дома могу!

Я снова засмеялся и, поцеловав Арину, уже хотел идти к машине, но дочка остановила меня, серьёзно сказав, совсем как взрослая:

— Папа, можешь уже снять кольцо. Ты после отъезда мамы стал постоянно крутить его на пальце.

— Постоянно? Я и не замечал... Да, сниму, но немного позже. А то на работе начнут шушукаться и отвлекаться, а студии это ни к чему сейчас. Пусть лучше работают.

— Поняла. Пока, пап!

— Пока, дочь.

Я, не оглядываясь, почти дошёл до машины, но в какой-то момент всё же обернулся.

Арина шла вместе с мамой в противоположную от меня сторону. И как-то так получилось, что в тот же момент, как я посмотрел на них, оглянулась и моя почти бывшая жена.

И если бы она умела читать мысли на расстоянии, то сейчас непременно услышала бы:

«Какая же ты дура, Лида. Мы ведь могли бы идти вместе, втроём».

28

Лида

Случившееся утром размазало меня по реальности, как раздавленную муху по стеклу.

Именно мухой я себя и ощущала — маленькой, ничтожной и никчёмной, бесконечно раздражающей и противной. Особенно когда внутренности этой мухи гнойно-кровавой смесью расползаются по поверхности, вызывая острое желание взять тряпку и смыть всю эту гадость.

Гадость... Я для Вадима — гадость.

Наверное, посторонний человек, услышав пересказ утренней сцены в ванной, решил бы, что я, залезая к Вадиму, специально хотела его соблазнить, чтобы он меня простил. Да, скорее всего, именно так всё и выглядело со стороны... Но нет — ни о чём подобном я не думала. Господи, да я же знаю Вадима! Для того чтобы простить меня — если это вообще возможно, — ему нужно намного больше, чем утренний секс в ванной комнате. А секс... ничего не значит. Абсолютно.

Но я, увидев голого мужа, поняла две вещи. Во-первых, я осознала, что безумно хочу его. Да, боюсь, что он меня оттолкнёт, причём до ужаса боюсь, — но и хочу не меньше. По правде говоря, я не помнила, когда в последний раз хотела Вадима с такой невероятной силой...

И во-вторых, я, заметив реакцию мужа на себя, поняла, что у него давно не было секса, а в таком состоянии он и правда становится более раздражительным, чем обычно. Хотя даже в раздражённом виде Вадим куда более терпелив большинства людей. Думаю, многие мужчины на его месте не то что окатили бы меня ледяной водой из душа — выкинули бы с голой задницей в коридор, ещё и пинка дали. А он до последнего ждал, когда я опомнюсь и выйду из ванной сама.

Но я не могла уйти. И сделать шаг вперёд тоже не могла. Точнее, его-то я всё-таки сделала, но с огромным трудом... и пожалела об этом спустя пару минут, получив холодной струей в лицо.

Да, я ещё и не того заслуживаю. Вадим со мной и так очень мягко обходится. Вода — это ерунда, конечно. И тем не менее мне было больно настолько, будто Вадим меня не водой окатил, а ударил кулаком в солнечное сплетение.

По телу расползались колюще-режущие мурашки — каждая из них проникала под кожу, жалила её, и я чувствовала себя человеком, угодившим в рой бешеных пчёл.

Меня трясло. Глаза наливались слезами, губы дрожали, и всё, что я могла, — склониться над столом, на котором пыталась что-то приготовить для Аришки, и стараться дышать.

Просто дышать — и больше ничего. Кажется, больше я ни на что и не способна.

— На меня не готовь. Я ухожу, — раздался позади спокойный голос Вадима, и я зажмурилась, непроизвольно впиваясь пальцами в столешницу.

Как же мне плохо.

Если бы он знал, как мне плохо, если бы мог почувствовать то же, что и я, — простил бы?

Если бы был способен прочесть мои мысли — принял бы обратно?

Может, в этом и есть самая большая проблема человеческих отношений — мы, причиняя друг другу боль, не можем понять, что будет чувствовать партнёр, как этот поступок ударит по нему, что заставит пережить.

Я, уезжая с Ромой две недели назад, безусловно, не понимала до конца, во что это всё выльется для Вадима. И получила свой бумеранг, когда вернулась и обнаружила, что попросту... перестала существовать для мужа.

Справедливо?

Да, наверное. Разве я заслужила что-то иное?

Но почему у меня нет права на прощение и второй шанс? Я ведь знаю, чувствую всем сердцем, что раскаялась, что больше никогда не предаю свою единственную семью. Если бы Вадим только мог понять меня, почувствовать то же самое, увидеть всё моими глазами... Тогда бы он дал мне возможность исправить содеянное.

Хотя...

Если уж видеть, то видеть всё, разве не так? И кроме моего нынешнего раскаяния было ещё много всего. Самого разного. И перевесило бы то, что я думаю и чувствую сейчас, то, что я думала и чувствовала две недели назад? Например, когда делала минет Ромке в туалете поезда? Или когда он занимался со мной анальным сексом на балконе гостиницы, а в комнате при этом находились его друзья, которым было отлично видно происходящее? Или когда...

Нет, лучше не вспоминать.

Чёрт. Поздно...

29

Лида

Несколько лет назад весной и осенью со мной начало происходить что-то странное. Я впадала в уныние и апатию, ничего не хотела, много спала, бесконечно ленилась, мне постоянно хотелось плакать. Но самое главное... меня раздражал Вадим.

Это длилось где-то с месяц — обычно в октябре-ноябре и в марте-апреле — и совпадало с самыми отвратительными погодными условиями. Возможно, это была какая-то депрессия. Я не знаю, потому что так и не выяснила, что со мной происходит, несмотря на то, что Вадим много раз просил сделать это. Его немного успокаивал тот факт, что мой «английский сплин», как он называл эту хандру, быстро проходил, но Вадим всё равно считал, что нужно выяснить причину. А я только морщилась и отмахивалась, потому что думала — я и так знаю эту причину.

Я считала, что причина состоит в нашем браке. И по весне и осени, когда организм наиболее ослаблен и постоянно меняется погода, я чаще, чем обычно, думала о том, кем являюсь. И воспринимала себя птицей с обрезанными крыльями...

Вадиму я никогда не говорила о том, как он раздражает меня в такие дни. Но мне почему-то кажется, что он догадывался. По крайней мере, как только я начинала унывать, муж старался поменьше появляться в поле моего зрения. И это, вопреки всякой логике, раздражало ещё сильнее...

Я сама не понимала, чего хочу. Чтобы Вадим был рядом, утешал меня, кормил с ложечки и вытирал слёзки или чтобы он убрался восвояси надолго и дал мне побыть наедине со своими мрачными мыслями о загубленной жизни?

Да, даже вспоминать теперь странно. И стыдно. Я — я, которой безумно повезло! — считала, что моя жизнь была уничтожена браком с Вадимом. Я, конечно, родила Аришку — за это ему огромное спасибо, — но всё, больше ничего хорошего у меня и не было. Работадом-ребёнок... Ну, отпуск ещё. С Вадимом было невозможно, как говорил Ромка, «тусить» — он для такого всегда был слишком серьёзным. Хотя мне ничего не запрещал, но я не могла вести себя так, как хотелось, будучи его женой. Ночные клубы и прогулки до утра, сомнительные квартирники, которые ворвались в мою жизнь с появлением в ней Ромки, путешествия автостопом, о которых я грезилась с того момента, как он мне о них рассказал... Вадим для подобного был слишком разумен и чересчур любил комфорт. Он не понимал, в чём прелесть похода в горы в большой компании малознакомых людей, среди комаров, мошек и слепней, без удобного туалета и ванны. Один раз я рассказала ему об этой своей мечте, но Вадим лишь улыбнулся и покачал головой.

— Прости, Лида, но подобный отдых — не моё. Если хочешь, можешь поехать сама, я не возражаю. Только ненадолго, а то Аришка будет скучать.

Сама! Куда бы я поехала сама? Без Вадима! У меня, как у ребёнка во время кризиса трёх лет, возникал диссонанс между словами «хочу» и «могу». Я хотела, да. Но разве я могла? Я, привыкнув к тому комфорту, что Вадим всегда создавал вокруг нас, уже абсолютно не могла из него вырваться. Мне — белоручке! — готовить на костре и ставить палатку? Нет! Если бы со мной поехал Вадим и всё устроил, как он обычно всё устраивал, — тогда я с удовольствием. Но сама я не могла.

Теперь я понимаю, насколько это ужасно звучит. Отвратительно и эгоистично, словно я не взрослый человек, а маленькая девочка, которая обиделась на папу за то, что он отказался застилать ей постель и готовить завтрак. Да, Вадим во многом потакал моему ощущению себя

маленькой девочкой, но я не могла его в этом винить. Он всегда хотел мне только добра и счастья. Откуда ему было знать, что всё это разрывает меня напополам...

По специальности я не работала нормально тоже очень давно. Почему? Хороший вопрос, ответ на который мне совершенно не нравился.

Поначалу я ушла в декрет, занималась Ариной, у которой были серьёзные проблемы с желанием — точнее, нежеланием — посещать детский сад. Потом, как только дело наладилось, я вышла к Вадиму в офис... и обнаружила, что за прошедшие почти пять лет превратилась из хорошего начинающего специалиста в жену генерального директора. Которую за глаза, скорее всего, как только ни называли. Всё-таки наша разница в возрасте и тот факт, что я когда-то была студенткой Вадима, говорили сами за себя.

Мне было неприятно. Возможно, мне не было бы настолько неприятно, если бы я осталась отличным дизайнером интерьеров, который помнил бы всё, чему учили и в институте, и на практике, но — увы. Я помнила, какие мультфильмы смотрит Арина. Какие книжки она читает, как зовут её любимых персонажей. Но по работе я скатилась куда-то на уровень плинтуса или электрических розеток. И это угнетало.

Тогда и началась моя хандра, ну или депрессия — в сущности, неважно, чем это было. Я просто два раза в год в течение нескольких недель чувствовала себя особенно никчёмной. И на работе, где на Вадима смотрели как на божество, а на меня — как на присосавшуюся к нему пиявку, было особенно тошно.

Вадиму я об этом не говорила. Да и нечего было говорить — меня никто не оскорблял. Ну не сетовать же на взгляды, в которых и насмешки не было — только недоумение в стиле: «и что он в ней нашёл?» Мне хотелось ответить: «Он нашёл во мне возможность получить ребёнка», — но я, разумеется, молчала.

Сам же Вадим изо всех сил старался мне помочь, и от этого порой было ещё хуже. Раньше, когда он был просто моим руководителем и наставником, его советы воспринимались как обучение, передача опыта молодому поколению. Но теперь я была его женой, которая почти пять лет проторчала в декрете. И если раньше я смотрелась на его фоне талантливой ученицей, то спустя пять лет, растеряв кучу профессиональных навыков, — обыкновенным прицепом.

Мне казалось, я порчу ему имидж и статус. Ну не может быть у Вадима, такого со всех сторон совершенного, подобной неказистой, глупой и безответственной жены! Я даже пыталась ему на это намекнуть, но намёков он не понял, а говорить прямо я побоялась, решив, что он может принять это на свой счёт и обидеться. Обижать Вадима я никогда не хотела. Я могла злиться на него, раздражаться, желать уйти и не видеть — но не обижать. Также, как и Арину...

В штате я продержалась год. Через год, когда очередной мой проект в хлам разнёс заказчик, я не выдержала и ушла на удалёнку. Неважно, что Вадим на презентации меня отстоял и не позволил оскорблять, — я просто устала и сдалась.

Помню, что в тот день, заполняя в отделе кадров заявление на перевод на удалённую работу, я с обречённой усталостью подумала, что не вывожу его грёбаное совершенство...

30

Лида

С того момента моя жизнь изменилась, и не только потому что Аришка вскоре пошла в школу. Я перестала ходить в офис, и у меня вдруг образовалась целая куча свободного времени. Да, я продолжала работать, но Вадим не настаивал, чтобы я сидела за компьютером восемь часов в день, поэтому я оформила полставки. Но работала даже меньше и брала только самые простые заказы. Чаще всего я не создавала своё, а помогала с проектами другим дизайнерам или самому Вадиму.

Пару раз он пытался поговорить со мной на эту тему — мол, Лида, зачем ты хоронишь себя как специалиста? Не помню, что я отвечала. Наверное, как-то отшучивалась, что после рождения Арины моя главная специальность — быть матерью...

В общем, мой обычный «трудовой» день строился так: просыпалась я поздно, уже после того, как Вадим и Аришка уходили. Завтракала, шла на прогулку в ближайший парк, дышала свежим воздухом около часа. В хорошую погоду каталась на велосипеде или роликах. Потом возвращалась домой и работала несколько часов — до того момента, как нужно было забирать Аришку из школы. Дома мы с ней вместе обедали, потом делали уроки... ну а дальше могли быть варианты. Гуляли, смотрели дома фильмы или мультики, ходили в кино, собирали пазлы, рисовали, лепили...

Мне нравилось возиться с Аришкой. Только в последний год я почувствовала, что устала и от этого. Пожалуй, я умудрилась забросить и свою «главную специальность»... Удивительно, что Вадим мне по этому поводу ничего не сказал. Но я и сама прекрасно знаю, что с начала четвёртого класса гораздо меньше помогала дочке делать уроки. Да, она не просила, в основном справлялась сама, но я и не интересовалась, нужна ли ей помощь. Я вновь погрузилась в свою хандру.

Этой осенью она оказалась ещё более продолжительной, чем обычно. Возможно, потому что погода выдалась дождливая и холодная, да и лето было так себе. В общем, я унывала где-то с конца сентября, когда зарядили совсем тяжёлые дожди и почти исчезло солнце. Ничего меня не радовало, я вновь стала избегать Вадима, но муж и не вникал в мою депрессию — он как раз взял какой-то интересный заказ на работе и с горящими глазами работал над ним порой и по вечерам, и в выходные. Его воодушевлённый вид угнетал меня ещё сильнее, заставляя вспоминать свою никчёмность.

И однажды утром, когда Аришка и Вадим покинули квартиру, я вместо того, чтобы позавтракать и пойти гулять, включила ноут и неожиданно решила посмотреть, как поживает Ромка.

С тех пор, как он меня бросил, кинув на карточку пятьдесят тысяч, я периодически искала его в интернете — интересно было, как он живёт, что делает. Жил он отлично, делал то же, что и раньше, — наслаждался своей свободой. И я ему дико завидовала...

А ещё я отлично понимала, что моя любовь к Ромке не прошла. Несмотря на то, что он меня кинул и заплатил за аборт. И всё равно я, глядя на него, чувствовала, как сладко сжимается сердце, — и вспоминала, вспоминала, вспоминала...

Нашу первую встречу, свидания, букетики-конфетки, поцелуи и жаркий секс. С Вадимом мне тоже было хорошо в постели, но... с Ромкой всё было совсем иначе. Главным образом потому, что он и сам был другим человеком — теперь я это понимаю.

Вадим просто не способен на грубость и жестокость. Мне кажется, даже если бы я попросила его быть со мной менее нежным — схватить за волосы, слишком сильно нагнуть или больно шлёпнуть, укусить за грудь, — он бы не смог этого сделать. А Ромка очень даже мог...

За одиннадцать лет брака Вадим не оставил на моём теле ни одного синяка или засоса. Он всегда был предельно аккуратен и следил за тем, чтобы ничего не сжать, не помять и уж тем более не порвать. А мне... нравилось другое.

Я боялась сказать Вадиму об этом. Что бы он обо мне подумал? Да, Ромка приучил и пристрастил меня к жёсткому сексу. До БДСМ-практик он не дотягивал — но нежным однозначно не был. И с Вадимом мне этого не хватало, о чём я не призналась бы ему даже под дулом пистолета.

Как такое можно сказать? Нет, в принципе-то можно — но точно не Вадиму. Он всё-таки немножко ханжа. И я даже представить себе не могла, каким будет его лицо, если я признаюсь, что мне нравится, когда меня грубо трахают — до синяков на коже, слёз в глазах и рваного дыхания. А уж если бы я призналась, что люблю делать глубокий горловой минет, лёжа на кровати и свесив голову вниз... И анальный секс обожаю... Мне кажется, от подобных откровений Вадим просто обалдел бы и разочаровался во мне окончательно.

Разочаровать Вадима — последнее, чего я желала в жизни, поэтому молчала. Он и так взял меня в жёны беременную от другого мужчины, не хватает, чтобы шлюхой считал...

В общем, в то утро я залезла в интернет и стала гуглить Романа Лисицына. И неожиданно обнаружила, что он не просто сейчас в нашем городе — он сегодня выступает в клубе неподалёку!

За прошедшие одиннадцать лет Ромка множество раз выступал где-то рядом, но я никогда не ходила на концерты его группы. Не хотелось.

А тут вдруг захотелось...

Я не колебалась ни мгновения. Это был порыв. В мою голову нечаянно попал шквальный ветер и выдул оттуда все разумные мысли. Остались одни неразумные...

И я написала Вадиму сообщение с вопросом, можно ли мне вечером сходить на концерт. И спокойно дала ссылку, зная: муж в жизни не догадается, что упомянутая в анонсе группа — та самая, в которой играет биологический отец Арины. Я, рассказывая Вадиму про Ромку, название группы не упоминала.

«Конечно можно», — ответил Вадим, и я на радостях хлопнула в ладоши.

И чему, дура, радовалась...

31

Лидка

Когда я подходила к клубу, в котором тем вечером играл Ромка, моё сердце колотилось будто шальное. Я ощущала эйфорию и восторг такой силы, что дурное настроение и хандра отступили, не в силах соперничать с моими чувствами к этому парню из прошлого.

Я уже тысячу лет не была в подобном состоянии. Мне чудилось, будто всё это время я спала, как царица в гробу, — а теперь проснулась...

И засыпать обратно отчаянно не хотелось.

Изначально я не собиралась подходить к Ромке, думала просто полюбоваться на него из зала, вспомнить былое. Но зал... он ведь был совсем небольшим — всё как на ладони. И Ромка меня, естественно, заметил. Одарил удивлённой, но широкой улыбкой — будто бы и не было у нас болезненного расставания, — а после концерта за руку потащил куда-то за сцену, в подсобные помещения.

Я вообще не помню, как выглядела комната, в которую он меня завёл. Вроде бы был стол и стулья, электрический чайник, какие-то постеры... Всё смазлось, словно я смотрела на мир через искривлённое стекло.

Я помню только Ромкино лицо.

Он изменился — конечно, одиннадцать лет прошло! — но стал ещё краше. Такой же спортивный голубоглазый блондин с обаятельной улыбкой и лукавыми искорками во взгляде.

— Де-е-етка, — лениво протянул Рома, разглядывая меня, как куклу на витрине магазина. — Чёрт, хороша!.. И раньше была хороша, а сейчас тем более. Поедешь со мной на гастроли?

— Куда? — не поняла я, не в силах отвести глаз от Ромки. Смотрела как заворожённая. Будто заколдовал кто. Ничего не соображала...

— Да по разным городам. Сначала по России, потом немного за границей. Загран не нужен — мы тут, рядом. На пару месяцев. Поедешь?

Я пару секунд таращилась на Ромкину искушающую улыбку, но потом всё же включилась.

— Ром, я замужем, и у меня...

«Есть ребёнок» я не договорила.

— Тю-ю-ю, — протянул Ромка, хмыкнув. — Да ладно тебе, детка. Ты же тогда замуж вышла, чтобы просто беременность сохранить. Уважаю твоё решение, хоть и по-прежнему детей мне никаких не надо. Но ты — молодец. Однако теперь-то что? Девчонке твоей лет десять, большая уже, ты ей каждую секунду не нужна. Мужик этот тебя старше намного, да и не любишь ты его.

— С чего ты взял? — опешила я. — И откуда ты вообще всё это...

— Откуда знаю? — Ромка насмешливо улыбнулся. — Да когда вернулся через пару лет, навёл справки. Интересно было, как там у тебя дела. Узнал, что вышла замуж и родила, вот и решил не проявляться, хотя и скучал по тебе. Ты, Лидка, здорово мне в душу запала.

В душу запала...

Я едва лужицей не растеклась, услышав от Ромки эти слова.

Он ведь мне тоже... запал в душу. Каждый день его вспоминала. Особенно когда смотрела на Аришку. Она ведь тоже светленькая, как мы с Ромкой... На него не похожа, увы — только на меня.

И на Вадима...

— В общем, бросай ты на фиг свою скучную жизнь, — продолжал между тем Ромка, пока я хмелела от его слов про душу. — Ты ведь вольная птица, детка. Я знаю, что ты как я.

Ты себя добровольно в клетку посадила ради ребёнка — но всё, он вырос, пора бы расправить крылышки и немного полетать. Поехали, Лида!

Всё, что говорил Рома... отзывалось во мне душевной болью.

Вольная птица.

Клетка.

Расправить крылья.

Полетать...

И я решилась.

— Ладно. Поеду. Только... мне бы домой, вещи собрать...

— Ого! — восхитился Ромка, присвистнув. — Я даже не ожидал, что ты согласишься, думал, что ты со своим старым хрычом совсем уже там окиселилась. Да конечно, поезжай домой, возьми с собой что нужно. Я же тебя не похищать собрался! — Ромка хохотнул. — Ну а пока...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.